

На тропах археологии¹⁵

[Л. 1, с. 4] ... мнение об отношении археологии к истории мировоззрений, пока, наконец, профессор не прервал его, пояснив, что он не собирался задавать такого вопроса, а только высказал своё недоумение.

Вспоминается также случай на экзамене у профессора А. И. Некрасова¹⁶ по истории русского искусства. Всё с тем же А. В. Арциховским¹⁷ мы поддержали перед экзаменом пари, что какой бы вопрос нам не задавал А. И. Некрасов, А. В. Арциховский должен говорить ему о засечной черте, а я о миниатюрах. Не помню уже, о чём нас спрашивал А. И. Некрасов, но мы оба свои пари выполнили и при этом получили по «отлично»¹⁸.

Конечно, не все профессора так экзаменовали и далеко не у всякого можно было выполнить такие пари. Но даже у строгих профессоров студенты знали их слабые стороны и главным образом готовились к заранее предвиденным наиболее близким сердцу профессора вопросам: об австралийцах у профессора Максимова¹⁹ (этнография), классификационной таблице

¹⁵ Сохранившиеся страницы машинописи вложены в картонную папку с таким заголовком — автографом черными чернилами на обложке, выведенным почти печатными укрупненными буквами.

¹⁶ Некрасов Алексей Иванович (1885–1950), историк, искусствовед. Выпускник Московского университета. Член ИМАО. Преподавал в Московском университете, консерватории, ВГИКе, МИФЛИ. Профессор. Сотрудник Третьяковской галереи. Участвовал в создании Московского музея архитектуры. Дважды репрессирован: в 1938 г. (лагерь), в 1949 г. (высылка в Новосибирскую область).

¹⁷ Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978), археолог и историк-русист. Выпускник Московского университета. Сотрудник ГИМа (с 1925). Преподаватель МГУ (с 1927). Основатель Новгородской экспедиции МГУ (1932); заведующий кафедрой археологии МГУ (1939–1978); главный редактор журналов «Советская археология» (1952–1978), «Вестник МГУ. Серия: История» (1956–1978). Член-корр. АН СССР (1960).

¹⁸ Штрих к психологическому портрету А. Я. Брюсова: точно такие проделки он практиковал в литературных салонах до революции: не слушая запланированных докладов, появлялся по их окончанию и задавал наобум первые пришедшие в голову вопросы докладчику (Брюсов 1965: 133–134). Если подумать, вульгарное хулиганство.

¹⁹ Максимов Александр Николаевич (1872–1941), историк, этнограф. Учился в Московском университете, из которого был исключен за революционную деятельность и сослан в Архангельскую губернию. В ссылке, как и некоторые другие революционеры, занялся этнографией. Стал членом ИОЛЕАЭ (1899), постоянным автором «Этнографического обозрения». После революции 1905 г. — активный член кадетской партии, член редакционной коллегии кадетской газеты «Речь». После революции преподавал в Московском университете и Переднеазиатском институте (будущем Институте востоковедения). «Вычищен» из МГУ в 1930 г. по политическому предлогу. Основные труды по истории первобытных и традиционных обществ и их экономических укладов, семейно-брачных отношений, мифологии, происхождения скотоводства и земледелия (Максимов 1997; 2001); см. подробнее о нем: Токарев 1947.

археологических эпох у В. А. Городцова²⁰ (первобытная археология) и т. д. и это всегда имело успех.

Обязательного посещения лекций не было, да и едва ли это было возможно, так как большинство студентов было занято днем на работе. Поэтому по многим предметам экзамены сдавали по учебникам, особенно по «второстепенным» предметам.

Даже по специальным предметам некоторые лекции (вернее лектора) нас совсем не привлекали. Кое-кто из профессоров читал так скучно, что слушатели дремали на лекциях. Был даже случай, когда А. А. Захаров²¹, читавший лекции по археологии Переднего Востока, на одной своей лекции сам заснул во время лекции, и студенты, слушавшие его, некоторое время сидели молча и ждали, когда он проснется.

Были и противоположные явления. Так, очень интересные лекции Н. И. Новосадского²² по латинской и греческой эпиграфике посещало всего 3–4 студента. Но это зависело от того, что, во-первых, этот [л. 2, с. 5] предмет не был обязательным, а, во-вторых, подавляющее большинство студентов было либо незнакомо с этими языками, либо знали их очень поверхностно.

Наибольшей популярностью у студентов пользовался В. А. Городцов. И это — понятно. В. А. Городцов читал свои лекции с большим увлечением и очень популярно. Он умел заинтересовать своих слушателей своим предметом, нередко приводил примеры своего личного опыта или рассказывал о случаях из опыта выдающихся археологов, с которыми он встречался. Особенно важно было, что студенты археологи каждое лето принимали участие в раскопках

²⁰ Городцов Василий Алексеевич (1860–1945), археолог, музейный работник; многолетний сотрудник РИМ и ГИМ (1903–1929); автор основополагающих трудов по методике и методологии археологии, первобытным и средневековым древностям, этнографии, геоморфологии археологических памятников России. Преподавал в МАИ (1907–1915), Московском народном университете им. А. Л. Шанявского (1915–1918), МГУ (1918–1931, 1941–1945), МИФЛИ (1938–1945). Сотрудник Московского отделения ИИМК (1930–1945) и ИАЭА (1933–1937); см. подробнее: Белозерова и др. 2011.

²¹ Захаров Алексей Алексеевич (1884–1937), археолог, историк древнего мира, член-корреспондент Германского археологического института. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Приват-доцент (1917) историко-филологического факультета ФОН 1-го МГУ, затем профессор этнологического факультета 1-го МГУ, действительный член НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, действительный член (с 1922) и секретарь (с 1924) Археологической комиссии Московской секции РАИМК–ГАИМК, хранитель отдела античной и скифо-сарматской археологии ГИМ (1914–1929), зав. библиотекой Музея антропологии МГУ (1929–1934). В 1934 г. арестован, провел в заключении два месяца, в 1935 г. арестован (по одному делу с А. С. Башкировым и И. Н. Бороздиным), сослан в Алма-Ату. В ноябре 1937 г. арестован, 1 декабря осужден и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно (1955); см. подробнее о нем: Ватлин, Канторович 2001; Формозов 2006: 226–243; Кузьминых 2007.

²² Новосадский Николай Иванович (1859–1941), филолог-классик; специалист по истории античной литературы, музыки, театра и изобразительного искусства; эпиграфике, археологии, палеографии и текстологии Греции и Рима. Выпускник Историко-филологического института в Санкт-Петербурге. Профессор Варшавского университета (1888–1906), МАИ (1907–1909), Московского университета (1909–1929, 1935–1941). Действительный член РАНИОН (1923–1931). Зав. отделом классической филологии библиотеки Румянцевского музея (ГБЛ) (1919–1934). Член-корреспондент РАН (1917); см. подробнее: Тункина 2008: 695.

В. А. Городцова, а раскопки — дело увлекательное, тем более что В. А. Городцов во время этих раскопок давал пространные объяснения, имевшие еще более значения, чем его лекции в аудитории. А зимой В. А. Городцов привлекал студентов к своей работе в Государственном историческом музее и заставлял их знакомиться с огромными коллекциями этого музея. Обучил он нас и искусству музейной экспозиции, в то время радикально перестраиваемой В. А. Городцовым. Мы старательно помогали ему, и по всему музею стоял грохот от катящихся тележек с экспонатами и от топота ног кативших их студентов. «Пожарная команда Городцова» презрительно называли нас старшие, почтенные сотрудники музея. В. А. Городцов заставлял нас также присутствовать на заседаниях «Общества друзей Исторического музея»²³ и даже читать на этих заседаниях доклады. Со второго года занятий поручал нам также вести самостоятельные раскопки славянских курганов по его открытому листу на право раскопок (в то время В. А. Городцов был также заведующим музейным отделом Наркомпроса, выдававшего тогда эти права). Эти раскопки мы вели всегда большой группой, выбирая по очереди из своей среды начальника раскопок той или иной группы курганов. Рабочих, конечно, не нанимали и работали лопатами сами. А потом надо было подавать научный отчет об этих раскопках. При производстве этих раскопок [л. 3, с. 6] мы, разумеется, всё время друг с другом совещались. Все это имело огромное воспитательное и научное значение и [,] кроме того [,] сблизало студентов-археологов друг с другом. Возвращались вечером в Москву с раскопок и, выйдя из вагона, мы обычно строились в ряд и шли по пустынным в двадцатых годах улицам Москвы, закинув на плечи лопаты и распевая хором различные песни.

Приближались государственные экзамены, но еще до них нам троим, как говорил, А. В. Арциховскому, П. А. Дмитриеву²⁴ и мне предстояло сдать

²³ «Общество друзей Исторического музея» — по сути ровесник его самого. В первом уставе (1874) РИМ содержался раздел о «членах музея, их правах и обязанностях». В их число до революции входили представители всех сословий — представители императорской фамилии, дворянства, купечества и крестьянства. Дарители коллекций, жертвователи денег на музейные нужды, архитекторы, художники, искусствоведы, археологи, историки, принимавшие участие в оформлении экспозиции, атрибуции фондов, подготовке изданий. Всего среди меценатов, дарителей и партнеров музея к 1917 г. значилось более тысячи человек. В 1918 г. их работа продолжилась в форме «Общества друзей ГИМа». Возглавляли это общественное объединение самые авторитетные фигуры в этом учреждении: князь Н. С. Щербатов (родной брат П. С. Уваровой), глава Ученой коллегии музея; с 1922 г. — В. А. Городцов, заведующий археологическим отделом. В 1930 г. очередной директор музея, партийный работник Ю. К. Милонов ликвидировал «Общество» как общественную организацию. Восстановили ее только в 2006 г. Устав нового объединения в современном духе объединяет как российских, так и иностранных граждан, индивидуальных (около 500) и коллективных (свыше 300) членов. В него вошли выдающиеся деятели культуры, искусства, науки; дарители-меценаты; краеведы и коллекционеры; менеджеры продвижения различных возможностей музея на рынок культурно-просветительских услуг широкой публике. Подробнее о задачах, достижениях и планах современного Общества см. на его красочном сайте в Интернете: museumsfriends.ru.

²⁴ Дмитриев Павел Алексеевич (1902–1943), археолог, специалист по неолиту и бронзовому веку Урала. Выпускник археологического отделения ФОН 1-го МГУ (1924), аспирант НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, ученик В. А. Городцова. Сотрудник отдела популяризации музейных коллекций (с 1925), заведующий группой оружия и военной техники (с 1929), ученый секретарь (1935–1941) ГИМ. В 1941 г. добровольцем ушел

вступительные экзамены в институт археологии и искусствоведения РАНИОНа. Почти все экзамены нас не пугали: их надо было сдавать тем же самым профессорам, которые преподавали в университете и по тем же самым предметам. Но был один экзамен, результатов которого мы опасались — экзамен по историческому материализму, по которому должен был экзаменоваться профессор В. Серезников²⁵. Мы готовились к нему изо всех сил, вернее — с напряжением всей памяти. И, действительно, вопросы, на которые нам пришлось отвечать В. Серезникову, могли бы поставить в тупик любого и напоминали средневековые диспуты на звание «доктора».

Перечислите все письма Маркса к Энгельсу и Энгельса к Марксу с указанием, когда они были написаны, по какому поводу и с кратким изложением их содержания.

Перечислите по порядку все главы I тома «Капитала» Маркса с кратким изложением их содержания.

Последним вопросом, который задавал В. Серезников всегда экзаменовавшимся, был вопрос: «Взгляд Маркса на государство?»

Что бы ему ни отвечали на этот последний вопрос, он всем на это говорил: «Неверно». и проэкзаменовав последнего, с сокрушением заявил: «Никто мне на этот вопрос не ответил».

Через несколько дней нам пришлось сдавать ему же и по тому же историческому материализму на государственных экзаменах в университете [л. 4, с. 7]. Но он запомнил нас всех в лицо и, не спрашивая, поставил нам всем «отлично».

Началась новая учёба в РАНИОНе. Я с большой благодарностью вспоминаю об этом учреждении, во главе которого тогда стоял старый большевик В. М. Фриче²⁶. Я несколько был знаком с ним ранее по работе в финансовом отделе

в Московское народное ополчение, попал в окружение, был в плену, бежал, перешел линию фронта и добрался до своих. Отдан под трибунал, осужден за измену Родине и отправлен в штрафной батальон. Вскоре был убит; см. о нем: Бадер 1953; Коровин 1999: 5; Издания... 1999: 171; Розенталь и др. 2000: 247; Орешников 2011: 650.

²⁵ Серезников Виктор Константинович (1873–1944), историк философии, переводчик философской литературы (с древнегреческого, латинского, французского, немецкого языков). Из астраханских казаков. Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1897). За революционную деятельность высылался за границу (1907–1912). Преподавал философию в Социалистической академии общественных наук (с 1918), диалектический и исторический материализм, историю философии в МГУ и РАНИОНе. Участвовал в организации Смоленского университета, исполнял в нем обязанности ректора. Декан факультета общественных наук МГУ (с 1923). Директор ГИМа (1934–1935). Профессор философского факультета МИФЛИ (1932–1938). Репрессирован (1938).

²⁶ Фриче Владимир Максимович (1870–1929), ученый (литературовед, искусствовед, социолог) и общественный деятель. Москвич, из обрусевших немцев. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1894). Преподавал в гимназиях (1896–1906). Член РСДРП (с 1904). С того же года преподавал в Московском университете. После Февральской революции редактировал газету «Пролетарий». После Октябрьской революции — член Социалистической академии и ГУС; профессор этнологического факультета 1-го МГУ (с 1920); директор НИИ языка и литературы и зам. директора НИИ археологии и искусствоведения РАНИОНа (с 1922); председатель секции литературы и искусства Института красной профессуры и Комакадемии при ЦИК СССР (1925–1929). Редактор журналов «Литература и марксизм» (1928–1929), «Печать и революция» (1929), а также «Литературной энциклопедии» (Т. 1–2, 1929). Академик АН СССР (1929; избран в результате повторного голосования под давлением на академиков советских властей).

военной организации РСДРП (фракции большевиков) в начале [1]900-х годов. Устраивая концерты, лоттереи [так в тексте. — С. К., С. Щ.], лекции (под маркой какой-нибудь легальной организации — студенческого землячества, какого-нибудь благотворительного общества и проч.), — сбор с которых шел в казну партии, мы нередко приглашали его, Канеля²⁷ и др. прочитать лекцию. Это был талантливейший ученый, прекрасный организатор и большой душевной теплоты человек. Позднее, когда я работал библиотекарем Книжной палаты Отдела по делам печати, он был одним из членов коллегии (вместе с моим братом Валерием²⁸ и наркомом социального страхования Ангарским²⁹), заведовавшей этим учреждением. В РАНИОНе довелось встретиться с ним снова.

Институты этой ассоциации помещались в небольшом двухэтажном доме № 18 на Волхонке. Наш институт археологии и искусствознания имел три отделения: археологии, искусствознания, социологии; первые два отделения работали раздельно, причем отделением археологии заведовал В. А. Городцов, а в отделении социологии должны были работать аспиранты обоих отделений — и археологии, и искусствознания. Заведовал отделом социологии сам В. Фриче. Все три отделения выпускали раздельно свои труды.

Занятия в институтах РАНИОНа происходили совершенно иначе, чем ныне. Каждый аспирант самостоятельно избирал свою тему, а назначенный ему «руководитель» механически утверждал ее и в дальнейшем не вмешивался в работу аспиранта. Аспирант работал над своей темой вполне самостоятельно, подобно тому, как работали ранее в университете «оставленные» при нем. Еженедельно в каждом отделении [л. 8, с. 5] (в отделении социологии менее регулярно) происходили научные заседания с докладами членов института, АСПИРАНТОВ [так в тексте] и изредка посторонних лиц. Аспиранты обязаны

²⁷ Канель Вениамин Александрович (1873–1918), земский врач-терапевт, общественный деятель. Доктор медицины (1901). Переехал в Москву из Киева в 1900 г. Ординатор Староекатерининской больницы. Автор работ по санитарии и гигиене, рабочему вопросу, в том числе «Алкоголизм в России». Один из организаторов съездов русских естествоиспытателей и врачей. Член РСДРП с 1903 г., большевик, член Московского комитета партии. Партийная кличка «Барин». Литературный псевдоним «В. Яковлев». Почетный гражданин города Москвы. В его большой квартире на 1-й Мещанской находили убежище многие революционеры, начиная с Ленина, Сталина, Луначарского и др. После Февральской революции — депутат Государственной думы от большевиков.

В мемуарах академика Н. М. Дружинина (1979: 18), так же, как и А. Я. Брюсов, утверждавшего на склоне лет, что активно участвовал в революции 1905 г., упомянут его «знакомый врач большевик Канель». Он упомянут Дружининым в сходном контексте: врач привлек студента-историка к выступлению в Русском техническом обществе «о постановке врачебной помощи русским рабочим».

²⁸ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), старший брат мемуариста, поэт и прозаик, литературный критик и литературовед (в особенности пушкинист); переводчик со многих древних и новых языков, особенно с армянского. Член ВКП(б) (1924). Организатор, ректор и преподаватель Литературно-художественного института (1921).

²⁹ Ангарский (настоящая фамилия Клестов) Николай Семёнович (1873–1941), профессиональный революционер (член РСДРП с 1902), большевик; советский работник — журналист, издатель, главный редактор издательства «Недра». До 1929 г. работал в Моссовете. Торговый представитель СССР в Литве (с 1929) и Греции (с 1936). В том же году глава торгового объединения «Международная книга». Сотрудник Института Маркса, Энгельса, Ленина (с 1939). Репрессирован как иностранный шпион. Посмертно реабилитирован.

были посещать эти занятия и активно в них участвовать — читать доклады, выступать в прениях. Заседания в отделении археологии начинались точно в 6 часов вечера, минута в минуту. Никаких опозданий не допускалось. По какому бы разделу археологии ни ставился доклад, все должны были на нём присутствовать и по возможности принимать участие в обсуждении его.

Второй особенностью в институте было то, что аспиранты должны были проходить производственную практику, читая какой-нибудь дополнительный (а иногда и обязательный) курс в университете (формально в любом вузе). Так мне пришлось читать курс по «истории развития техники выделки кремнёвых орудий» в МГУ. Одновременно существовавший тогда Коммунистический университет трудящихся Китая предложил мне преподавательскую должность на кафедре «Истории развития общественных форм». А по настоянию В. А. Городцова, А. В. Арциховский и я поступили младшими хранителями в Гос. Исторический музей. Оригинально, что через год мы все трое, Арциховский, Дмитриев и я, были зачислены [,] ещё будучи аспирантами, приват-доцентами в МГУ, а ещё год спустя — доцентами. В это время все читали в университете самостоятельные курсы (по просьбе студентов я читал курс «Археология Западной Европы»).

И конечно, аспиранты института производили самостоятельные раскопки каждое лето, подавая затем в Наркомпрос научный отчёт о них и делая затем в институте доклад об этих раскопках.

Так и во время учёбы в университете, и во время аспирантуры теория переплеталась с практикой — преподавательской работой, полевыми раскопками, хранительской и экспозиционной работой в музее и, прежде всего, написанием научно-исследовательских трудов. Эти труды печатались в «Трудах секции археологии» и «Трудах секции социологии» [л. 6, с. 9] института.

В конце 20[-х] годов началась большая трагедия археологии. История эта тесно связана с именем Н. Я. Марра³⁰, руководившего тогда Гос. Академией истории материальной культуры, входившей в качестве одного из институтов в РАНИОН, а фактически противопоставившей себя РАНИОНу.

Это было время больших шатаний в области истории и археологии, время «цитатничества», «социологизации», совершенно произвольных толкований выражений, а то и отдельных слов К. Маркса и Ф. Энгельса и построения на этих домыслах таких гипотез, как например гипотеза об «азиатском способе производства», как особой социально-экономической формации³¹. Характерно, что этой нелепой гипотезе было посвящено много внимания, дискуссия

³⁰ Марр Николай Яковлевич (1865–1934), востоковед, лингвист, археолог, этнограф; академик Петербургской Академии наук (1912), академик и вице-президент (1930–1934) АН СССР. Директор РАИМК–ГАИМК (1918–1934), Яфетического института АН СССР (1921–1934) (с 1931 Институт языка и мышления), Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (1924–1931); см. подробнее: Алпатов 1991; Платонова 1998.

³¹ Идея К. Маркса об «азиатском способе производства» дебатировалась в 1930-е, а затем в 1970-е гг. советскими историками и философами, стремившимися как-то обновить, расширить ту примитивную версию мировой истории, которую представлял собой советский «исторический материализм». Но поддержки у руководителей советской науки эти поиски не находили. Отсюда и оценка мемуаристом соответствующей дискуссии как вылазки идеологических врагов советской науки; см.: Васильев 1993: 32–35.

следовала за дискуссией, печатались статьи даже в таких журналах, как «Под знаменем марксизма», выходили брошюры и довольно увесистые труды вроде книги М. Кокина и Г. Папаяна «Цзин-тянь. Аграрный строй древнего Китая» (Лнгр. 1930)³², объёмистые в сотни страниц «труды» с выборкой цитат из К. Маркса и Ф. Энгельса для любителей цитатологии. Ко всему этому примешивалась пресловутая марровская теория в области лингвистики³³ и объявление этой теории единственно марксистской; всякое уклонение от этой теории жестоко преследовалось, как еретический уклон, антимарксизм и даже антисоветское выступление! в этой нездоровой атмосфере в Гос. Академии истории материальной культуры сложилась значительная группа археологов и причислявших себя к таковым, которые, прикрываясь именем Н. Я. Марра, повели яростную атаку на археологию, как науку. Но на их пути стоял Институт археологии и искусствознания и Моск. Университет. Но на сторону марристов стала в Москве Комакадемия. Начались лобовые наступления, прежде всего на РАНИОН. Много копий было поломано в этих боях, много нам пришлось выслушать резких обвинений. Была даже сделана попытка путём прямого дискредитирования запретить археологию, как самостоятельную науку. Для этого [л. 7, с. 10] была созвана специальная большая конференция в Ленинграде и на ней, несмотря на все наши усилия и усилия провинциальных археологов, уже была заготовлена соответствующая резолюция. Но в самый последний момент вмешался ЦК Компартии [,] и затея марристов была сорвана.

Тогда начались подпольные интриги. Более того, делались попытки взорвать РАНИОН изнутри. В. М. Фриче к этому времени умер и во главе РАНИОНа стал И. Л. Маца³⁴. По предложению ГАИМК было создано закрытое (за запёртыми дверями) заседание для разрешения разногласий между РАНИОНОм и ГАИМКом. На заседании присутствовал И. Л. Маца в качестве председателя, В. А. Городцов, А. В. Арциховский, С. В. Киселёв³⁵, П. А. Дмитриев и я. От ГАИМКа выступал активнейший противник РАНИОНа Ф. В. Кипарисов³⁶.

³² См.: Кокин, Папаян 1930; Тянь-Цзы — Сын Неба — титул императора в Древнем Китае.

³³ Речь идет о «новом учении о языке», или яфетической теории. См. обзор о непосредственном выходе теории Н. Я. Марра на археологию: Платонова 2010: 253–258.

³⁴ Маца Иван Людвигович, искусствовед, археолог, сотрудник и недолго (на рубеже 1920–1930-х гг.) директор РАНИОН. Затем — научный сотрудник Всесоюзной Академии архитектуры в Москве, кабинета теории искусства (эта Академия закрыта в 1963 г.). Соавтор «Всеобщей истории архитектуры»; см. о нем применительно к 1940-м гг.: Ремпель Л. И. Мои современники // Интернет.

³⁵ Киселёв Сергей Владимирович (1905–1962), археолог, историк. Выпускник археологического отделения ФОН 1-го МГУ (1926), ученик В. А. Городцова и С. В. Бахрушина. С 1929 г. аспирант, а затем сотрудник НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, отдела феодализма ГИМ (1929–1939), МОГАИМК–МОИИМК–ИИМК–ИА АН СССР (с 1932), профессор кафедры археологии МГУ (с 1939), ученый секретарь Отделения истории АН СССР (1950–1954); член-корр. АН СССР (1953). Лауреат Государственной премии СССР (1949) и премии им. М. В. Ломоносова (1950). Основные труды по археологии, древней и средневековой истории Срединной Азии; см. подробнее: Формозов 1995; Мерперт 2011: 123–166.

³⁶ Кипарисов Фёдор Васильевич (1884–1936), филолог-классик, профсоюзный и партийный деятель. Окончил историко-филологический факультет Петербургского

Заседание носило бурный характер. Ф. В. Кипарисов настаивал на ликвидации РАНИОНа и превращении его в «Московское отделение» ГАИМКа. В качестве платы за наше согласие и поддержку требований ГАИМКа об этом в соответствующих вышестоящих учреждениях [,] он открыто обещал, что все мы получим за это звание действительных членов ГАИМКа и наши труды будут печататься полностью и безотказно. Долго и резко длились прения, высказывались взаимные обвинения. В основном спор шёл между Ф. М. Кипарисовым и В. А. Городцовым. Наконец, по предложению И. Л. Маца договорились о том, что Институт археологии и искусствоведения РАНИОН согласен стать составной частью ГАИМКа, но совершенно автономной, [с] собственным бюджетом и своим издательством. Для окончательного оформления этого договора И. Л. Маца и я должны были через несколько дней выехать в Ленинград. И что же? В Ленинград мы приехали, но в назначенном нам для свидания месте не нашли никого из представителей ГАИМКа и все попытки связаться с ними хотя бы по телефону оказались безуспешными. Так мы и вернулись в Москву, ничего не [л. 8, с. 11] достигнув.

Между тем ГАИМК продолжал действовать неведомыми нам путями. Он добился сначала того, что РАНИОН зачем-то переименовали в РАНИМХИРК, что должно было означать «Российская ассоциация научно-исследовательских институтов материальной, художественной и речевой культуры». Слово «археология» отсутствовало в этом названии. Вскоре и это название было заменено: институт археологии и искусствоведения был выделен из РАНИОНа, назван «Институтом искусства» и переведён в небольшое помещение в соседнем переулке. А ещё спустя немного времени цель ГАИМКа была достигнута и возникло «Московское отделение ГАИМКа», поместившееся временно в двух комнатах, предоставленных ему в здании Гос. Исторического музея.

Затем началась борьба за закрытие в Московском университете отделения археологии и искусствоведения. После нескольких неудачных попыток ГАИМК добился наконец того, что коллегия Наркомпроса подписала такое распоряжение и Москва на ряд лет в отношении археологии стала небольшим придатком к ГАИМКу. Марристы одержали победу и «учение Н. Я. Марра» стало насильственно навязываться московским археологам, вплоть до обязательных занятий «новым учением о языке» для всех членом Московского отделения ГАИМКа. Эти занятия вёл пресловутый «ученик» Н. Я. Марра В. Б. Аптекарь³⁷.

университета, специализировался по истории античности. С 1905 г. — член РСДРП. После 1917 г. занимал ряд должностей в аппарате ЦК РКП(б), профсоюзах и НКП РСФСР. Преподавал в Комакадемии. За связи с оппозицией переведен на руководящие должности в науке. С января 1929 г. был назначен зам. председателя ГАИМК, с целью ее «большевизации», с 1934 г. (после смерти Н. Я. Марра) — и. о. председателя ГАИМК; профессор Ленинградского историко-лингвистического института; директор Института книговедения (1932–1933); ответственный редактор журнала «Проблемы истории докапиталистических обществ». В 1936 г. арестован и расстрелян; см. подробнее: Люди и судьбы... 2003: 2002; Формозов 2006: 54–56, 209.

³⁷ Аптекарь Валериан Борисович (1899–1937), лингвист, этнолог. С 1918 г. на политрабате. Окончил три курса ФОН 1-го МГУ (отделение внешних сношений). В 1922–1925 гг. преподаватель Военно-политической школы Московского военного округа и параллельно зав. издательством Коммунистической академии (1923–1925), затем зав. редакционным отделом РАНИОН, сотрудник НИИ этнических и национальных культур Востока, доцент

Можно себе представить, как трудно было в это время работать в области археологии. Постепенно и в провинции стали свёртываться существовавшие ранее крупные археологические центры, например в Саратове, где археологическую группу возглавлял проф. Саратовского университета П. С. Рыков³⁸; археологический центр в Самаре, руководительница которого В. В. Гольмстен³⁹ переехала в Ленинград и стала работать в ГАИМК. Издание археологических трудов почти целиком сосредоточилось в руках ГАИМКа и статьи противников марровского «нового учения о языке» не печатались или печатались в сильно урезанном виде и через очень долгие сроки [л. 9, с. 12].

Но овладеть полностью властью в археологии ГАИМКу всё-таки не удалось. Ещё оставалось много научных учреждений, в которых археология развивалась нормальным путём, где господствовала так называемая «московская школа», как например в гос. историческом музее [так в тексте]. И после крушения марризма, после перехода ГАИМКа в систему Академии Наук СССР, с переходом центра археологической науки в Москву, развитие этой науки пошло естественным путём⁴⁰.

педфака 2-го МГУ (с 1926), ученый секретарь лингвистической подсекции Комакадемии (1928–1929), с 1930 г. член ВНАВ и действительный член ГАИМК, с 1934 г. зав. яфетическим сектором Всеукраинского комитета нового алфавита. Ревностный последователь и пропагандист «нового учения о языке» Н. Я. Марра в востоковедном языкознании, археологии и этнографии. В 1937 г. репрессирован и расстрелян; см. подробнее: Алпатов 1991; Люди и судьбы... 2003: 36, 37.

³⁸ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942), археолог, музейный деятель. В 1910 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета и МАИ. Один из первых учеников В. А. Городцова. Сотрудник Курской ученой архивной комиссии (1910–1912) и Виленского музея (1913–1914), действительный член ИМАО (1913). Преподаватель, зав. кафедрой археологии (с 1920), профессор (1922), зам. ректора (проректор) (1927–1931) Саратовского университета. Член ЦБК и член Общества историков-марксистов (1927), Археологического комитета НКП РСФСР, член ГАИМК (с 1931), зав. сектором Государственной Академии Искусства, член ГУС НКП РСФСР (1932). Арестован в 1938 г. Погиб в лагере от истощения в 1942 г.; см. подробнее: Максимов 1989; Малов 2010.

³⁹ Гольмстен Вера Владимировна (1880–1942), археолог, музейный работник. Окончила в Петербурге женскую гимназию при Покровской общине сестер милосердия (1889). Обучалась в МАИ (1907–1910; одна из первых учениц В. А. Городцова), на историко-филологическом факультете Московских высших женских курсов (1914–1916); член-корреспондент ИМАО (1912). Работала в РИМе (1913–1919), затем в Самаре — ГубОНО (1919–1920), университете и губернском музее (1919–1929; в 1922–1929 директор музея). С 1929 г. жила в Ленинграде, работала в ГАИМК–ИИМК (1929–1942), Эрмитаже (1934–1937). Основные труды по археологии Среднего Поволжья и Приуралья различных эпох. Доктор исторических наук (1934) по совокупности ученых трудов. Умерла в 1942 г. в блокадном Ленинграде от дистрофии и эмфиземы легких (меняя пайковый хлеб на табак); см. подробнее: Кузьминых и др. 2007.

⁴⁰ В письмах М. Е. Фосс А. Я. Брюсову, сохранившихся в его архиве, нашел отражение финал этой борьбы старой и новой столицы за первенство в советской археологии. Весной 1947 г. она пишет отдыхающему в санатории коллеге: «В ИИМКЕ что-то назревает новое. По слухам гуманитарные институты будут переведены в Ленинград... Все поражены и подавлены известием о переводе ИИМК в Ленинград... О переводе много разговоров, но как будто острота миновала. Волгин не принял Равдоникаса, который до этого потрясал бумажкой о получении дворца для Института. Не принял поэтому и Удальцова с Киселёвым, приехавших отстаивать Москву. Может быть, ему просто некогда, а может быть он считает,

Я вынес эту историю за скобки своего повествования и так долго остановился на ней для того, чтобы дать ясное представление об условиях, которые в течение ряда лет тормозили научную жизнь археологов и создавали большие препятствия для работ археологов, не входивших в число сотрудников ГАИМКа. А теперь я перейду к описанию своего личного пути в археологии.

Уже на лекциях В. А. Городцова я обратил внимание на то, как мало им говорилось о неолитической эпохе по сравнению с палеолитом и эпохой бронзы. Но и то, что им было сказано, заключалось преимущественно в общих фразах и более походило на краткий этнографический очерк жизни современных культурно отсталых племён, чем на археологию неолитической эпохи. Занимаясь же в Историческом музее, я обнаружил огромные коллекции по неолиту нашего севера, в частности из Карелии, собранные главным образом И. Поляковым⁴¹. Эти огромные сланцевые орудия, так непохожие на неолитические орудия из других областей СССР, очень меня заинтересовали [,] и я занялся их зарисовкой, чтением немногочисленной соответствующей археологической литературы и мало[-]помалу настолько втянулся в эту область археологии, что темой своей аспирантской диссертации выбрал «древнейшую историю Карелии». Соответственно этому и свои полевые работы я проводил в течение ряда лет в тогдашней Карело-Финской ССР. А там к моим услугам предоставился [так в тексте] не меньший вещественный материал в Петрозаводском музее. Его обработке я посвящал весь свой отпуск, уезжая на это [л. 10, с. 13] время в Петрозаводск. А проездом через Ленинград мне предоставлялась возможность знакомиться также с обширными коллекциями по неолиту Карелии, собранными в ленинградских музеях.

В Карелии я встретил чрезвычайно радушный приём и обрел ряд хороших друзей. Приезжая туда, я всегда останавливался в доме тогдашнего фотографа Петрозаводского музея, Гавриила Алексеевича Аккудинова⁴², жившего в собственном двухэтажном домике на окраине Петрозаводска на Красноармейской улице. Гавриил Алексеевич был прекрасным охотником и рыболовом

что ИИМК может существовать и здесь» (ОР РГБ. Ф. 708. Д. 53. Л. 1–9). Как известно, тогда победили москвичи: их отделение стало головным, а ленинградский центр — его филиалом.

⁴¹ Поляков Иван Семенович (1845–1887), зоолог, географ, антрополог, археолог и этнограф. Сын забайкальского казака и бурятки. Выпускник Санкт-Петербургского университета и магистр зоологии (1874). Хранитель Зоологического музея Императорской Академии наук (1875). Совершил несколько экспедиций по комплексному изучению Сибири и Сахалина, опубликовал отчеты о них. Один из первооткрывателей каменного века в России. Разработал метод поиска стоянок палеолитического человека по признаку встречаемости культурных остатков с ископаемой фауной; см. подробнее: Формозов 1983: 47–56; Платонова 2010: 136–144.

⁴² Анкудинов Гавриил Алексеевич (1896–1964), фотожурналист, таксидермист. Родился в семье известного в Петрозаводске учителя и садовода А. П. Анкудинова. В 1914 г. окончил художественно-промышленное училище барона Штиглица в Петербурге, получил специальность фотографа и таксидермиста. Участник Первой мировой войны. С 1923 г. работал в штате и по договорам в краеведческом музее. В 1934–1948 гг. фотокорреспондент республиканских газет «Комсомолец Карелии», «Красная Карелия» и «Ленинское знамя». В 1930–1950-е гг. изготовил для краеведческого музея более 350 чучел животных, птиц, рыб, диорам в природоведческой экспозиции. В фондах музея и республиканском архиве хранятся сотни его фотонегативов периода Великой Отечественной войны, а также фотонегативы животных, ландшафтов и растений Карелии; см. о нем: Шлейкин... 2007.

и по вечерам занимал меня рассказами о своих охотничьих приключениях. Он был местным уроженцем, прекрасно знал страну [,] и я много обязан ему за его многочисленные советы. Много помог он мне также в моих сношениях с местными учреждениями и лицами. Он со всеми был хорошо знаком и его рекомендации где бы то ни было достаточно для положительного решения. Так, однажды, когда мне по ходу моей работы надо было произвести раскопки в пограничном районе Карелии, я запасся в Москве соответствующими разрешениями, но они оказались для Карелии недействительными [,] и мне с моими сотрудниками, московскими студентами, было категорически отказано в праве работы в пограничных районах. Когда Гавриил Алексеевич узнал об этом, он отправился к начальнику пограничного отряда и тот, по его рекомендации, тотчас выдал требуемые пропуска. Благодаря ему, мне, Н. Н. Гуриной⁴³ (теперешней сотруднице Ленингр. Отделения Института археологии АН СССР) и А. М. Линевскому⁴⁴ (тогдашнему сотруднику Петрозаводского музея) было разрешено посетить Соловки для обследования многочисленных находящихся там археологических памятников.

Одним словом, за 10 лет моей работы в Карелии мне удалось и побывать, и произвести археологические разведки и раскопки в самых различных частях Карелии и близко познакомиться с находящимися в ней памятниками неолитической эпохи. К концу моей аспирантуры, [л. 11, с. 14] к 1928 году, в моем распоряжении оказался такой богатый материал, что я без труда мог защитить диссертацию на тему «Северо-запад европейской части СССР в 3–2 тысячелетиях до н. э.»⁴⁵. Эта работа послужила в дальнейшем основой написанной

⁴³ Гурина Нина Николаевна (1909–1990), археолог, музейный работник. Выпускница МГУ (1930) Затем работала в краеведческих музеях Кандалякши и Петрозаводска. С 1935 г. в ГАИМК–ИИМК–ЛОИА: сотрудница, заведующая группой неолита, директор ЛОИА (1976–1981). Доктор исторических наук (1963). Специализировалась на изучении эпох мезолита, неолита и раннего металла лесной зоны Центра, Северо-Запада и Севера Восточной Европы. Опубликовала основные результаты исследований и масштабных раскопок в Прибалтике, Белоруссии, центре Русской равнины, Верхнем Поволжье, на Кольском полуострове; см. о ней: Массон и др. 1991.

⁴⁴ Линевский Александр Михайлович (1902–1985), этнограф, историк, археолог, писатель. Закончил ЛГУ (1928). Еще в студенческие годы производил этнографические исследования в Карелии, где открыл в 1926 г. около г. Беломорска скопление петроглифов (до 300), названное им «Бесовы следки». С 1929 г. жил и работал в Петрозаводске: в краеведческом музее, архивном управлении, НИИ языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Главное литературно-художественное произведение — повесть «Листы каменной книги» (16 изданий, переведена в США, Финляндии, других странах). Цикл исторических романов: «Поморье», «Лёд тронулся», «Бушует Беломорье», «Испытания»; см. о нем: Шастокольский и др. 1987; Савватеев 2010.

⁴⁵ См.: ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 2. Д. 13. «Протокол защиты диссертации А. Я. Брюсова на звание кандидата исторических наук от 6 апреля 1929 г.». 4 л.

Приведем выдержки из этого машинописного документа, сохраняя стилистику оригинала (с добавлениями составителей в квадратных скобках) и с пересказом менее информативной части стенограммы.

«Протокол
 пленарного заседания Научно-Исследовательского Института
 Археологии и Искусствознания РАНИОН от 6 апреля 1929 года

мной и изданной Историческим музеем книги «История древней Карелии», представленной мной в качестве докторской диссертации в московский университет и защищённой мной в 1944 году.

с публичной защитой диссертации А. Я. Брюсова «Северо-запад СССР с конца III по начало I тысячелетия до хр[истианской] эры»

Присутствуют: действительные члены Института: А. С. Башкиров, С. Н. Боголюбский, В. А. Городцов, К. Э. Гриневич, А. А. Захаров; науч. сотр. 1 р[азряда]: А. В. Арциховский, П. А. Дмитриев, Г. В. Жидков, И. Л. Маца, А. А. Фёдоров-Давыдов; аспиранты: М. М. Денисова, А. Ф. Дубынин, С. В. Киселёв, А. И. Михайлов, С. В. Разумовская, А. П. Смирнов; прочие: Бабушкина, В. Д. Блаватский, И. Н. Бороздин, А. Выдрин, Т. Ф. Гедах, В. В. Городцов, Е. Н. Дмитриева, Л. А. Евтюхова, З. Кастальская, А. Ф. Катков, М. М. Кобылина, Д. А. Крайнов, О. А. Кривцова-Гракова, Е. И. Крупнов, П. Кузнецов, [А.] Кузнецова, [Н. И.] Лебедева, М. С. Мешкова, В. П. Мизинова, А. И. Пинт, В. М. Подгорнова, М. К. Полубейко, А. Пришвин, [Н. А.] Прокошев, Е. Г. Пчелина, Ю. М. Пылаева, Н. В. Пятышева, Д. Редер, Н. В. Романовская, Б. А. Рыбаков, Н. М. Садовникова, [К. В.] Сальников, В. И. Стражев, [Н. А.] Сугробов, А. К. Таратынов, А. И. Тереножкин, М. Е. Фосс.

Президиум: д. чл. С. Н. Боголюбский, В. А. Городцов, К. Э. Гриневич, А. А. Захаров.

Председатель: д. чл. А. А. Захаров. Секретарь: н. с. 1 разряда А. В. Арциховский.

Официальный оппонент: Городцов.

В порядке прений выступили: д. чл. С. Н. Боголюбский и К. Э. Гриневич, н. с. 1 р. А. В. Арциховский и асп. С. В. Киселёв» (Л. 1).

С. Н. Боголюбский интересуется у диссертанта, «были ли в северо-западных культурах другие домашние животные [кроме собак]. Дело в том, что сохи намечаемого в диссертации типа едва ли могли употребляться без упомянутых животных» (Л. 1).

К. Э. Гриневич отмечает «значение работы для генерального плана археологических исследований и для археологической карты СССР. Заполнены огромные пробелы на севере, где начинаются все маршруты племён. Работа ведётся методически правильно, и необходимо ее продолжение» (Л. 1 об.).

С. В. Киселёв тоже хвалит диссертацию, одобряет «экономический анализ», проходящий по всему ее тексту. Оспаривает версию о фатьяновских боевых топорах как якобы «памятников военных столкновений с носителями фатьяновских культур: проще предположить, что оружие проникло путём торговых операций» (Л. 1 об.).

А. В. Арциховский оспаривает предположенный диссертантом «приезд промышленников с Онеги, а не с Северной Двины». Ещё он сомневается в брюсовской реконструкции земледельческих «санников», по сути сохи. «Скрепление такого санника с рассохой» не выявлено.

В своем заключительном слове диссертант отстаивает перед В. А. Городцовым «начальную дату заселения северо-запада СССР» (Л. 2) — конец III — начало II тыс. до н. э., и «конечную дату» — «около начала I тыс. до н. э. Защищает свои атрибуции кремневых фигурок как изображений промысловых животных и петроглифов Пери-Нос как лосей, а не птиц. «Особенно существенным является возражение В. А. Городцова против выставленного мною положения о примитивном сошном земледелии на северо-западе СССР во II тысячелетии до христианской эры и об определении так называемых «каменных рубил» как сошников» (Л. 3–3 об.).

С. Н. Боголюбскому диссертант отвечает, что упряжными животными могли быть олени. Якобы среди «Бесовых следков» есть изображение стада оленей с «погонщиком». Кроме того, диссертант «допускает, что при бороздном сошном земледелии применялась человеческая тяга» (Л. 4).

С. В. Киселёву диссертант возражает, что будь фатьяновские топоры предметом обмена, то имелись бы и другие предметы фатьяновской культуры, а кроме того имелось бы обратное проникновение северных форм в область фатьяновской культуры.

Уже в этом труде я делал первые еще несовершенные попытки осветить на основании археологического материала не только быт древнего населения Карелии, но и сделать некоторые исторические выводы о порядке заселения человеком этой области, сложения там древних племен, их взаимоотношениях между собой и с более отдаленными племенами, отчасти об их исторических судьбах.

Эта работа увлекла меня в область теоретических вопросов археологии. Результатом этого явилась серия моих статей в журнале «Советская археология» по вопросам датировки археологических памятников, соответствия археологических культур этническим общностям, вопросам древней экономики [Брюсов 1953а, 1953б, 1956а, 1956б, 1957а, 1957б; и др.] и параллельно с этим я стал заниматься богатейшими собраниями по неолиту окской долины, преимущественно из раскопок В. А. Городцова, хранившимися в фондах Исторического музея. В эти годы, конец 30-х и в 40-х годах, я проводил раскопки главным образом в Вологодской области на реке Модлоне, стараясь, по возможности, отыскивать торфяниковые стоянки, на которых остатки древних поселений находятся в условиях, благоприятствующих сохранению органических материалов — кости, дерева. Мне посчастливилось при этом открыть впервые в СССР свайное поселение на так называемой «стрелке» реки Модлоны [Брюсов 1951а], а знакомство с трудами Г. Райнерта⁴⁶, раскопавшего в 30-х годах свайные поселения в Швейцарии, Австрии и Южной Германии, облегчило мне расшифровку обнаруженных остатков сооружений. Последующие раскопки на Горбуновском торфянике в Свердловской области [Брюсов 1951б] и ознакомление с остатками так называемых болотных сооружений (не возвышающихся над почвой, а покоящихся на деревянных настилах, уложенных на подсохшем торфе и укрепленных кольями), возбудили у меня сомнения в общераспространенной у археологов гипотезе, что в неолитическую эпоху человек устраивал свои жилища исключительно в виде более или менее глубоких землянок. Почему же, подумал я, во всех случаях, когда почва благоприятствует сохранению дерева, мы обнаруживаем при раскопках остатки деревянных наземных сооружений? А в песчаных почвах или обнаруживаются ямы землянок, или, чаще всего, никаких следов жилищ не встречается? Не прав ли английский археолог Г. Чайлд⁴⁷, заявивший, что только «археологи загнали неолитическое

⁴⁶ Райнерт Ганс (1900 — ?), немецкий археолог. Ученик и последователь Г. Коссины и его преемник во главе нацистской археологии германского Рейха. Упоминается в «Истории археологической мысли» Л. С. Клейна как «фюрер преистории», подручный Розенберга; см. о нем: Filip 1969: 1133; Клейн 2001: 127, 131, 173–174.

⁴⁷ Чайлд Вир Гордон (1892–1957), британский археолог. Уроженец Австралии. Окончил Сиднейский и Оксфордский университеты по классическому отделению. Член Британской академии (с 1940). Вернувшись в Австралию, работал личным секретарем премьера Нового Южного Уэллса лейбориста Д. Стори (1919–1921), затем библиотекарем Королевского антропологического института в Лондоне (1925–1927); зав кафедрой доисторической европейской археологии Эдинбургского (1927–1946) и Лондонского (1946–1957) университетов, в последнем в те же годы был директором Института археологии. Основные труды в области европейской и ближневосточной археологии и доистории эпох неолита и раннего металла. Основоположник теории антропологического неозволюционизма. Придерживался левых социалистических убеждений; см. о нем: Монгайт 1958; Harris 1994; Клейн 2011: 608–614 и др.

население в силосные ямы»? Истина оказалась посередине. Занявшись этим вопросом, я легко убедился, что следы земляночных жилых построек характерны только для определённых неолитических и эпох[и] бронзы культур; в других же культурах или следы каких-либо жилищ отсутствуют, или в минеральных почвах отсутствуют, а в торфах обнаруживаются остатки наземных деревянных сооружений. Стало очевидно, что характер жилых построек был у разных племён различным, но человек неолитической эпохи, несомненно, в большинстве случаев строил деревянные наземные дома.

Так же неожиданно разрешился для меня давно мучивший меня вопрос, где и как доставал неолитический человек питьевую воду. Вопрос этот, казалось бы, очень простой, поскольку население этого времени всегда располагалось около водных бассейнов — рек или озёр, возбуждал все-таки сомнения. Они возникли у меня [,] когда я вел раскопки на берегах Белого моря, на Летнем полуострове [Брюсов 1928а]. Тамошние стоянки также располагались всегда у устьев многочисленных рек, впадающих в Белое море. Но благодаря морским приливам вода в этих устьях сильно солоноватая. Сверх того реки на севере зимою замерзают, а некоторые [л. 13, с. 16] промерзают до самого дна (например, Клязьма в её верховьях, где на её берегу расположена знаменитая Льяловская стоянка). Орудий же, которые можно безусловно считать пешнями для пробивания прорубей, в коллекциях с неолитических стоянок не известно. Но вот при раскопках одного поселения конца 2-го тысячелетия до н. э. в низовьях реки Модлоны, в местности, носящей название «Селище» [Брюсов 1951а: 54, 55], загадка эта разъяснилась.

Поселение это расположено было на возвышенной части берега, отделённой от реки стометровой заболоченной низиной. Желая проверить, как далеко к реке расположен был край этого поселения, я проложил траншею от края раскопа вниз к реке. И тут обнаружилось, что в древности у этого края протекала небольшая, ныне не существующая речка, зятанутая в настоящее время двухметровым слоем торфа. Под этим торфом явственно обнаружались оба берега этой речки в виде полос песчаных отмелей. Но вода из этой речки, вытекающей из соседнего болота, несомненно, была непригодна для питья. Однако счастье мне благоприятствовало. Совершенно случайно траншея прошла по тому месту, где древним человеком был устроен весьма примитивный, но очень остроумный колодец, древнейший из известных нам колодцев.

Устроен он был так. Метровой длины бревно из комлевой части дерева было расколото вдоль и обе половины были выдолблены, образуя таким образом полуцилиндры. Затем они были сложены вместе так, чтобы концы их слегка заходили друг на друга. Получался полый цилиндр. В трех местах этот цилиндр был обвязан лыковой веревкой. Затем таким же образом был устроен второй цилиндр немного большего диаметра и надет на первый. Всё это сверх того было обвито слоями бересты. Всё это устройство было врыто на небольшую глубину в берег речки, в песок. Вода в силу капиллярности песка поднималась по этому цилиндру вверх, наполняя его, и при том вода чистая [л. 14, с. 17], так как прохождение её через песок очищало её от примесей. Мало того, прохождение под землёй, как по водопроводной трубе, не давало воде замерзнуть, и человек мог пользоваться водою из этого колодца не только летом, но и зимою.

И тут мне вспомнилось, что во время работ на Летнем Берегу Белого моря местные поморы учили нас подобным же образом добывать питьевую воду на берегу моря: вблизи волно-прибойной линии, в песке выкапывалась небольшая яма; подпочвенные воды, стекавшие с окрестных высот под песком по водонепроницаемому подстилающему песок слою глины, в силу той же капиллярности песка, имевшему у берега моря малую мощность, поднимались вверх и заполняли вырытую яму. Этой водой мы и пользовались во время раскопок. Но, естественно, края нашей ямы часто оплывали [,] и яму приходилось время от времени расчищать. Для нас это не представляло затруднений при наличии у нас железных лопат и сравнительно короткого времени пользования таким примитивным колодцем.

Об этом случае я делал доклад в 1958 году на международном конгрессе археологов в Гамбурге. Доклад возбудил большой интерес и мне несколько раз пришлось затем передавать его содержание в кулуарах для тех археологов, которые не могли присутствовать на той секции, в которой я делал этот доклад. А один из слушателей, ведущий раскопки в Северной Африке, сказал в прениях по докладу, что теперь ему понятен не раз наблюдавшийся им странный факт: наличие древнего поселения в пустыне в 30–40 км от какого-либо водного источника, но у края какой-нибудь возвышенности.

Эти и ряд других фактов заставили меня совсем иначе, чем это обычно полагается, представить себе жизнь древних людей, во всяком случае [,] в неолитическую эпоху. Многие трафаретные догадки археологов (и этнографов) о той или иной стороне жизни первобытного человека стали для меня неприемлемыми. Можно поражаться, как много [л. 15, с. 18] невероятных утверждений и предположений делается относительно жизни людей в эти отдалённые эпохи. Особенно много поразительных домыслов делается о мышлении и культурах первобытного человека. Ещё давно я обратил на это внимание, читая этнографические труды о [б] образе мышления «дикарей», или, как позднее стали выражаться, о «дологическом» их мышлении. У меня создалось впечатление, что этнографы, описывающие этих «дикарей», выискивают у них только то, что идёт вразрез с представлениями так называемых «цивилизованных» народов. Всё остальное остаётся вне поля их зрения. Так [,] например, австралийцы. Во время своей поездки в Австралию мне не раз приходилось разговаривать с туземцами, например, с «боями» (уборщиками, официантами) на пароходе, только недавно завербованными на службу. Право, я не заметил в их мышлении отличия от нашего. Конечно, это были очень малокультурные люди, заражённые различными суевериями и не знающие обычаев, свойственных европейцам. Но едва ли они могли многим отличаться от русских крестьян царского времени. Те также свято верили в существование домовых и леших, а их религиозные представления были недалеко от австралийских.

«Что вы мне говорите, что бог один. Я ведь бываю в церкви и вижу, сколько там икон разных богов», говорила одна из девушек бывшей Ярославской губернии.

В 6-м гренадерском полку, в котором я отбывал воинскую повинность, один из новобранцев на занятиях «словесностью» на вопрос младшего офицера 15-й роты, Смирнова, что он сделает, если получит приказание плюнуть на икону, заявил: «Это приказание преступное и исполнять его не надо. На иконах

изображены разные боги — богоматерь, Николай угодник и другие. Только различить их друг от друга я не умею».

Однажды одна крестьянка, шедшая с пустыми вёдрами мне навстречу и сначала не заметившая меня, долго извинялась за это передо мною, потому что встреча с бабой, несущей пустое ведро, предвещает, по поверию, встретившему ее несчастье.

Можно привести сотни таких случаев. Если их совокупить воедино, и не замечать всего остального, можно было бы приписать русскому крестьянину недавнего прошлого «дологическое» мышление. Почти все счастливые случаи и несчастья приписываются, в лучшем случае, «воле божией» — неурожаем, падёж скота, пожар, эпидемические болезни. А нередко все виновником называли «самого», т. е. домового («корова не ко двору пришлась: сам невзлюбил»), беса («бес попутал»), лешего («глаза отвел»). Твердо верили в «дурной глаз» (тот-то или та-та сглазили), ворожей, колдунов. И показательно, что люди, которых называли колдунами, сами верили в свое колдовство. Замечательный случай по этому поводу рассказывал однажды мне и моему приятелю, С. А. Соколову, присяжному поверенному и писателю (псевдоним «Сергей Кречетов»)⁴⁸ наш общий знакомый следователь Зубалевич (имени и отчества я его не помню).

Выехал я в одну деревню по делу об убийстве, рассказывал он. По предварительным данным дело происходило так: в воскресный день вечером крестьяне этой деревни сидели около одного дома на бревне и разговаривали. Среди них находился один мужик из соседней деревни. И вот один из сидевших схватил топор и разрубил [тому] мужику голову. Произошло это на глазах у всех [,] и все это подтвердили. Но сколько я не бился, выясняя мотивы этого убийства, я никак не мог их установить. Все единогласно утверждали, что вражды у убитого и убийцы между ними не было; не было также никакой ссоры. Как я ни спрашивал, как и почему, все в один голос говорили: «Просто так. Взял топор и ударил по голове». Долго возился я, пока, наконец, один из свидетелей убийства проговорился. А за ним уже и все остальные подтвердили его слова. Дело было в следующем. Оба эти мужика считались колдунами и сами верили в это. За беседой зашел между ними [л. 17, с. 20] спор, который из них колдун сильнее. Хвастались они друг перед другом, хвалились и, наконец, один из них говорит: «А я такое слово знаю, что хоть чем бей меня — мне ничего не будет».

⁴⁸ Соколов Сергей Алексеевич («Сергей Кречетов») (1878–1936), юрист, общественный деятель, поэт-символист, журналист, издатель (основатель и главный редактор издательств «Гриф», «Золотое руно», «Перевал»). Закончил юридический факультет Московского университета (1901). Работал присяжным поверенным в округе Московской судебной палаты, был гласным Московского губернского земства.

Поводов для знакомства с Соколовым у мемуариста было немало. Помимо университета, это и упомянутое издательство «Гриф», в котором печатался друг мемуариста В. Ф. Ходасевич и многие другие деятели символистского круга. Первые поэтические сборники А. Я. Брюсова и С. А. Кречетова (Алая книга. М.: Гриф, 1907) вышли в одном и том же 1907 г. Затем встречаться с С. А. Соколовым мемуарист мог и на фронтах мировой войны или же в немецком плену. Тот пошел на войну добровольно, а в 1915 г., получив ранение, попал в немецкий плен, как и А. Я. Брюсов, в котором провел более двух лет. Упомянув о своем знакомстве с С. А. Соколовым, мемуарист рисковал: тот с 1905 г. вступил в партию кадетов, а в 1919–1920 гг. служил в Добровольческой армии, выступал в печати в качестве идеолога Белого движения. Эмигрировал в 1920 г.; см. о нем: Ходасевич 1994; Добкин 2000.

А другой спрашивает: «Ну, а топором?». «Топором так топором», отвечает тот. Тут спрашивавший взял топор и разрубил другому голову. Вот и все.

Вы спросите меня [,] какое отношение имеет это всё к археологии и, в частности, к моим занятиям ранними эпохами развития человеческого общества? На это я Вам отвечу — самое непосредственное. Конечной целью археологического исследования является восстановление исторических событий, а они совершаются в определенном обществе и самим этим обществом в определенной обстановке. Но под этой обстановкой нельзя понимать только природную среду и степень развития производительных сил. Не [?] считая ее [?] первопричиной (как это нередко делают буржуазные ученые), нельзя не признать важным фактором общественную психику, которая сильно меняется с течением времени, конечно, не в том отношении, что она развивается от «дологического» к «логическому» мышлению. Но под влиянием разнообразных факторов общественной жизни складываются разные убеждения и представления, вплоть до самых иногда нелепых. Прекрасным примером этого могут служить пресловутые «процессы ведьм» в XV–XVII века (впрочем [,] в Европе последний такой процесс происходил в 1811 году, а в Южной Америке даже в 1878 году). Чем можно объяснить такой факт, что даже такой крупный мыслитель и философ как Блез Паскаль в старости каялся в том, что в молодости он не верил в существование ведьм и только вынужденный жизненным опытом принужден был в это поверить? Если не принимать в расчет процессов, вызванных просто алчностью, вроде процесса тамплиеров, или личной мести, вроде процесса Грандые⁴⁹, то как могло случиться, что прогрессивнейшие суды того времени, суды инквизиционные⁵⁰, неистовствовали в своем увлечении ведовскими процессами настолько, что в 1586 году [с. 21 утрачена; л. 18, с. 22]]

[...] его производственных орудий и в приёмах их применения. В сфере же своей повседневной жизни многовековой опыт приводил человека иногда к правильному решению очень сложных проблем, хотя он давал им в силу своего невежества неверное толкование. Так, уже в нашем веке один кузнец в Рейнской области изготовлял кустарным способом сталь, равнявшуюся по качеству шведской кустарной стали, превосходившую [так в тексте], как известно, крупновскую сталь и выписывавшуюся фирмой Круппа из Швеции для прибавки к своей стали. Узнав об этом [,] фирма Круппа послала своего агента выведать способ литья у этого кузнеца. Получив на эту просьбу категорический отказ, агент добился разрешения наблюдать работу этого кустара. Наблюдая, он записывал подробности процесса — объёмы массы металла, вместимость больших консервных банок, которыми пользовался мастер для закалки, времени,

⁴⁹ Мемуарист напечатал: «Процесс Грандые», но такого персонажа комментаторам установить не удалось. Похоже, А. Я. Брюсов на старости лет в данном случае запомнил, как звали фигурантку последнего судебного преследования «ведьмы» в Европе. Горничная Анна Гельди в 1782 г. была осуждена на казнь по обвинению своего бывшего хозяина-врача, у которого она якобы пыталась отравить дочь. В 2007–2008 гг. парламент Швейцарии признал это дело судебной ошибкой и полностью реабилитировал жертву процесса. Выказано мнение, что женщина пала жертвой мести своего бывшего любовника; см. данные «Википедии».

⁵⁰ [Примечание автора] 1) Инквизиция, как это видно из самого названия её, впервые ввела [л. 18, с. 22]. [С. 21 утрачена, поэтому сноски обрывается].

требуемого на всё это и т. д. и через некоторое время агент добился своего и выяснил строго хранившуюся тайну. Основное заключалось во времени, требуемом на тот или иной процесс. Эта «тайна» передавалась из поколения в поколение от отца к сыну со строгой клятвой никому не сообщать об этом. В разных случаях требовалось прочесть про себя ту или другую молитву. Молитвы эти были разной длины и, следовательно, требовали разного времени. Велико было удивление кузнеца, когда агент, засёкший при своих наблюдениях это время по часам, воспроизвёл затем весь процесс плавки не хуже самого мастера.

Тысячелетний опыт позволил древним кузнецам изготавливать железные топоры и колуны такой формы, что они превышали по коэффициенту полезного действия, — как это показал академик В. А. Желиговский⁵¹, — современные фабричные топоры и колуны.

Все эти соображения позволяют рисовать себе картину жизни людей отдалённых от нас времён совсем иначе, чем это часто делается [л. 19, с. 23] не только на беллетристических, но нередко и в научных трудах [,] и делает совершенно неприемлемыми такими гипотезы, как помещения неолитического человека, по меткому замечанию Г. Чайлда, в «силосные ямы». Чтобы не быть голословным, приведу одно из таких типичных описаний «землянки» на поселении Вой-Наволок-9, раскопанной Н. Н. Гуриной [1951: 101–118].

«На глубине 0,46 м пятно приняло отчётливые очертания; оно было неправильно округлым, более широким в южной и значительно суженым в северной части, размером по длине от (с севера на юг) 4,30 м и по короткой (с востока на запад) в 3,10 м. По мере углубления пятно уменьшалось в размере и принимало отчётливо округлые очертания: на глубине 0,86 м оно имело 2 м в диаметре, на глубине 1,14–1,50 м, а по самому дну ямы, на глубине 1,30 м не более 1 м. Контуры углубления, особенно в нижнем горизонте, прослеживались в сильно цементированном жёлтом песке типа ортштейна»⁵².

Последние слова исключают предположение о возможности осыпания стенок «землянки». Описания таких «жилых землянок» можно, к сожалению,

⁵¹ Желиговский Владислав Александрович (1891–1974), инженер, специалист по земледельческой механике. В 1916 г. окончил Московский сельскохозяйственный институт (в дальнейшем академия имени К. А. Тимирязева). Оставлен научным сотрудником машиноиспытательной станции этого института и его преподавателем. Потом работал на разных должностях в нескольких центрах по механизации сельского хозяйства. Доктор технических наук (1946). Профессор МИИСП (1949). Академик ВАСХНИЛ (1948). Разрабатывал методы и приборы для проектирования и оценки эффективности сельскохозяйственных машин и орудий, физико-химических и технологических свойств обрабатываемых материалов. Выдвинул теорию технологического процесса пахоты. Изучал механику качения колеса с образованием колеи. Упоминание в воспоминаниях А. Я. Брюсова относится к его теории резания лезвием сельскохозяйственных материалов (см.: Желиговский 1941). По свидетельству А. А. Формозова (2006: 67), «Арциховский привлёк в качестве консультанта Исторического музея специалиста по механике В. А. Желиговского, рассчитывавшего коэффициент полезного действия древних топоров, ножей, серпов и т. д. Изучались совместно с М. Е. Фосс и В. П. Левашовой не только железные, но и каменные и бронзовые предметы, преимущественно топоры».

⁵² [Примечание автора] 1) Н. Н. Гурина. Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА. 20. С. 115.

нередко встретить в трудах советских и зарубежных археологов. Но бывают и более фантастические предположения. Например, 35-метровой длины и 15-метровой ширины жилище, состоявшее из тонких «жердей», на которых были навешены мамонтовые шкуры, засыпанные сверху песком!⁵³ Можно наполнить большой том такими и ещё более невероятными гипотезами, особенно из трудов некоторых буржуазных учёных. Приведу ещё только один пример из «трудов» Ф. Гиббена⁵⁴. Говоря о распространении археологических культур шнуровой керамики и колоколообразных сосудов, Ф. Гиббен делает сначала предположение, что это «чаши», клавшиеся носителями этих культур в могилы с их покойниками, служили для питья какого-то алкогольного напитка. А затем, чтобы объяснить широкое распространение этих культур, пишет: «Люди с такими чашами, привозившие с собой алкогольный напиток [л. 20, с. 24], хорошо принимались неолитическими группировками скорее благодаря этому напитку, чем малому количеству меди, которую они доставляли. В большинстве случаев выделка чаши и обычай пить пиво охотно воспринимались различными группировками. Происходило курьёзное смешение культур и керамики»⁵⁵.

Невольно возникла мысль: неужели археология не обладает средствами для восстановления на основании изучения вещественного материала хотя бы общих черт истории человечества до изобретения письменности, если даже в больших научных трудах появляются такие — с позволения сказать, — вопиющие нелепости? И эта мысль невольно подстёгивала в моей работе над теоретическими вопросами археологии. И чем дальше я углублялся в эту область, тем больше убеждался я, что необходимо по мере накопления археологического материала переходить к разрешению сначала хотя бы некоторых общих вопросов истории человечества в древнейшие времена [,] и при этом видеть в первобытном человеке не столько его «первобытность», сколько «человека», считаться с его «общечеловеческими» свойствами, с его бытом.

Ведь этот быт, укоренившиеся правила поведения, всегда и везде играли большую роль в истории человеческого общества. Почему-то в старых «классических» гимназиях при изучении древних языков и классической истории нас заставляли изучать так называемые «римские и греческие реалии»: описания внутреннего убранства дома, распорядка дня, организации войск, и его вооружения, системы постройки дорог и мостов и т. д. А быта в Средневековье и даже в XVII–XVIII веках мы не знали, и поэтому имели весьма смутные представления о быте того времени. Поэтому в отличие от истории античного времени более поздняя история представлялась нам в искажённом виде [л. 21, с. 25].

Только позднее по своей инициативе обратился я к «бытовой» истории Средневековья в связи со своими занятиями ведовскими процессами. А так как мой брат Валерий как раз в то время писал «Огненного ангела» [Брюсов 1974] и ему ещё детальнее, чем мне приходилось знакомиться с бытом Средневековья, выяснять, что по утрам люди ели и пили, во что одевались, какие

⁵³ [Примечание автора] 2) П. П. Ефименко. Костёнки I. М., 1958, стр. 207.

⁵⁴ Гиббен Франк К., американский археолог.

⁵⁵ [Примечание автора] 1) F. C. Hibben. L'Homme préhistorique en Europe. Paris, 1960. P. 218.

были средства сообщения, как лечились и т. д., — то к моим услугам были и те книги, которые доставал он.

И опять повторю: может показаться, что это имеет малое отношение к истории. Но представьте себе, можно ли писать о нашей современной эпохе, не представляя себе бытовой обстановки советского человека? Полагаю, что это невозможно. Ибо и от этой обстановки зависит много в характере человека и в его действиях.

Но как достичь этого, хотя бы неполного, знания в отношении человека древнейших времён? Принято думать, что здесь существенную помощь[ь] может оказать этнография. И нередко быт, нравы и верования наиболее отсталых современных народов переносят, почти без изменения, на «первобытного человека». Но правильно заметил Г. Кларк⁵⁶ в одной из своих статей⁵⁷, что современные дикари имеют такую же долгую историю, как и самые высоко цивилизованные народы и поэтому их образ жизни должен представлять совсем не то, что было во времена древности. Несомненно, что ни одно «первобытное» племя не жило в таких условиях. Как, например, бушмены, вытесненные в безлюдную пустыню Калахари, или австралийцы, вытесненные на север и в центр Австралии. Места для людей было тогда много и незачем было им поселяться в эти бесплодные земли. Следовательно [,] и образ жизни их должен был быть совершенно иным, чем сейчас. А за десятки тысяч лет, протекших с того времени, и без того образ их жизни должен был измениться и значительной степени. Однако некоторую помощь современная этнография [л. 22, с. 26] оказать может. Если археологические наблюдения позволяют сравнивать их с параллельными явлениями в жизни населения приблизительно в той же области, то позволительно сопоставлять их. И нередко такое сопоставление даёт возможность избежать самых фантастических кабинетных измышлений.

Так, работая на севере, мне не раз приходилось ездить на лодке «с берёзкой». Это[т] — довольно широко распространённый приём заключается в следующем. Если река не очень вихляет [,] и дует попутный ветер, то срубают густую берёзу и втыкают её вместо паруса в дырку, пробитую в скамье посередине лодки. Эта берёзка прекрасно парусит, а по минованию надобности её выбрасывают за борт. На древних наскальных изображениях можно видеть ладью с деревом посередине её. Несомненно, что это — примитивный парус. Не зная этого приёма, некоторые археологи считают такое изображение изображением мифической «соляной» ладьи с «древом жизни» посередине.

Известен приём преследуемого зверя зайти охотнику в тыл. Для этого он совершает большой круг. Но и охотник, зная эту повадку зверя, также совершает круг. Если это происходит зимой, то охотник оставляет за собой след от лыж. Всякий другой охотник, зная это, не переходит через этот след, так как первый охотник, увидев колебания веток или неясные контуры какой-то движущейся

⁵⁶ Кларк Джон Грэйем Даглас (1907–1995), английский археолог. Выпускник Кембриджа. Позднее стал там профессором. Специализировался на мезолите Британии. Сторонник географического и экологического подхода к доистории; см. о нем: Клейн 2011: 535–544 и др.

⁵⁷ [Примечание автора] 1) G. Clark. Folk-kultur and the study of European prehistory. «Aspects of archeology in Britain and beyond. Essays presented to O. G. Grawford. London, 1951. P. 49–65.

фигуры между деревьев, может выстрелить в этом направлении, подозревая присутствие там преследуемого зверя. А некоторые этнографы толкуют эту опаску переходить через чужой след суеверным опасением попасть в «заколдованный» круг.

Чтобы избавиться от комаров, составляющих настоящий бич на севере, их нередко изгоняют на ночь из шалаша или дома дымом скрученной в ролик и надетой на палку бересты. При раскопках древних стоянок такие ролики попадаются нередко. Их часто трактуют как поплавки от сетей. Такие полавки, действительно, делают и теперь. Но [хотя] отличить их от роликов, сделанных для выгона комаров трудно, и [л. 23, с. 27] не обязательно делать на основании таких находок вывод о ловле населением рыбы сетями.

Из многих других приведу только один пример. Уходя на несколько дней на охоту [,] охотник берёт с собой запас провизии, но никакой посуды не берёт. Её заменяет нож. Ножом можно срезать широкую полосу бересты, сделать из неё подобие миски и вскипятить в ней воду (в старой детской книжке Тиссандье «Занимательные опыты»⁵⁸ рассказывается, как можно вскипятить воду и в бумаге; в детстве мы этим часто забавлялись). Нож для кратковременного употребления первобытному охотнику было нетрудно сделать из любого кремнистого материала, так называемой «ножевидной пластинки». Поэтому далеко не всегда, находя где-нибудь временную (по другим признакам) стоянку и находя при раскопках её только такие ножи (нередко и «резцы»), мелкие обломки кремня, и не находя обломков глиняной посуды, нельзя без других дополнительных признаков (а это часто делается) относить такую стоянку к мезолитической эпохе. И это тем более, что выгодное положение стоянки в этом случае по отношению к уровню воды не может играть роли: для временного стойбища охотников это было безразлично, было бы удобное, защищённое от ветра место для отдыха.

Все эти мысли и соображения пришли мне в голову не сразу. В начале своей археологической деятельности я, конечно, еще многого не знал и не понимал. И, знакомясь с археологической литературой, я ещё не умел и не смел критически относиться к напечатанному.

А по счастью с того времени, как я поступил в Гос. Исторический музей, у меня под рукой оказалась богатейшая археологическая литература, собранная музеем за много десятилетий и хранившаяся в зале, где работал археологический отдел. Отсутствовали только иностранные книги времени первой империалистической войны, на часть из них вскоре стала также поступать в музей. Книги эти стояли в незапертых шкафах, и сотрудники отдела могли ими свободно пользоваться. Все эти книги были мной просмотрены, нужные мне статьи прочитаны и [л. 24, с. 28] частью законспектированы. Кроме того [,] через Дом Учёных я переводил ежемесячно 30 рублей (больше не разрешалось) немецкому буххандлерству Шпрингера и выписывал от него недостающие мне иностранные книги и журналы.

⁵⁸ Русский перевод книги Гастона Тиссандье «Занимательные опыты» переиздан недавно издательством «АСТ». В издательской аннотации сказано: «В увлекательной форме автор знакомит читателя с основными законами природы. Книга, написанная больше века назад, даёт превосходный исторический экскурс в естествознание. Его талантливые описания будут интересны читателям всех возрастов».

Работа в музее предоставляет еще один плюс в деле образования археолога. Этим плюсом является участие в построении экспозиции. Если в статье или докладе можно ограничиться наиболее известным, то музейная экспозиция требует последовательности, непрерывного показа материала. Все темные места приходится выяснять самим экспозиционерам. А это требует творческой мысли в своей области. Компиляция здесь невозможна: не у кого компилировать.

Когда я был еще младшим хранителем, я увлекся экспозиционной практикой. Существовавшая в музее экспозиция, хотя и сильно переработанная В. А. Городцовым в отношении пополнения материала, ещё сохраняла все черты дореволюционной экспозиции, была мало исторична, трудно доступна для понимания не-специалиста [так в рукописи], особенно для нового массового посетителя — рабочих, крестьян, средне-служащих [так в рукописи], красноармейцев. Вместе с М. Е. Фосс⁵⁹ мы разработали план реэкспозиции части зал в новом направлении, резко отличном от существовавшего. В. А. Городцов, заведовавший археологическим отделом, решительно отверг наше предложение. Мы обратились тогда к директору музея, известному историку, безвременно умершему вскоре Н. А. Рожкову⁶⁰, с просьбой разрешить нам устроить небольшую выставку в этом плане. Н. А. Рожков вполне одобрил этот наш план и предложил нам устроить эту выставку, как пробный шаг к полной реэкспозиции. Но В. А. Городцов решительно отказался выдать нам необходимый нам для этого археологический материал. Тогда Н. А. Рожков приказал В. А. Городцову не препятствовать нам самим взять этот материал. Это, конечно, вызвало некоторый конфликт между нами и нашим прямым начальством, В. А. Городцовым, впрочем [,] не имевший серьёзных последствий и вызвавший только большое неудовольствие В. А. Городцова. [с. 29, л. 25]

Наша выставка имела успех. С современной точки зрения она, конечно, была примитивна [,] и в ней были сделаны крупные ошибки, характерные для

⁵⁹ Фосс Мария Евгеньевна (1899–1955), археолог. В 1921 г. поступила параллельно в Воронежскую консерваторию и Воронежский археологический институт, в 1922 г. перешла на археологическое отделение ФОН 1-го МГУ, ученица В. А. Городцова. Работала в Воронежском музее краеведения, ГИМе (с 1925) и по совместительству в ИИМКе (с 1944). Доктор исторических наук (1953). Автор основополагающих работ по неолиту и эпохе раннего металла Русского Севера; см. о ней: Формозов 1999; Якушкина 2010.

⁶⁰ Рожков Николай Александрович (1868–1927), историк, политический деятель. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1900). Учитель Пермской гимназии (1891–1897). Приват-доцент Московского университета (1898–1906). Ученик В. О. Ключевского. Автор работ по истории России (в особенности социально-экономической, аграрной). Итоговый труд: Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Т. 1–12. М., 1918–1926. С 1905 г. в революционном движении, член РСДРП(б). В результате конфликта с В. И. Лениным по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП в 1906 г. перешел к меньшевикам. После поражения революции 1905–1908 гг. арестован, выслан в Западную Сибирь (1908–1917). С августа 1917 г. член ЦК меньшевиков. Летом 1917 г. товарищ министра почты и телеграфа Временного правительства. После очередного конфликта с В. И. Лениным по поводу политики военного коммунизма был арестован, сидел в Петропавловской крепости, выслан в Псков под надзор ЧК. В 1924 г. возвращен в Москву, преподавал в 1-м МГУ, Институте красной профессуры, Академии коммунистического воспитания. С 1926 г. директор ГИМ. После смерти его историческая концепция была признана немарксистской, труды долго не переиздавались (см.: Рожков 2010).

того времени, в частности принятие на веру некоторых выводов западноевропейских археологов. Однако она показала необходимость реконструкции всей археологической части музея. Но Н. А. Рожков скоропостижно скончался на своём посту в директорской Гос. Исторического музея. Сменивший его вскоре П. Н. Лепешинский⁶¹ не очень интересовался экспозицией и полная реконструкция археологических, а затем и исторических зал музея началась только в 1929 году при директоре Ю. К. Милонове⁶².

При нём был уволен ряд сотрудников ГИМа, в том числе В. А. Городцов. Это послужило причиной его сильного охлаждения ко мне. Кто-то уверил его, что одним из инициаторов в этом деле был я. Мне потом сообщали имя этого клеветника. Но я не могу с чужих слов называть его. Лично я думаю, что здесь играла роль личная инициатива Ю. К. Милонова. Да меня перед этим в течение почти трёх месяцев не было в Москве [,] и я узнал о произошедшем в ГИМе перевороте, только вернувшись из экспедиции. Тогда же я неожиданно узнал,

⁶¹ Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868–1944), профессиональный революционер, партийный работник, историк. Член РСДРП с 1898 г., большевик с 1903 г., корреспондент «Искры». Неоднократно арестовывался, сидел в тюрьме, находился в ссылке. Эмигрировал (1903). В 1905–1916 гг. на партийной работе в Екатеринославле и Петербурге. После революции член коллегии НКП РСФСР (1918–1919), зам. наркома просвещения Туркестанской Республики (1919–1920), один из создателей Истпарта (1921–1924), председатель ЦК МОПРа (1925–1927); директор Исторического музея (1927–1930) и Музея революции (1935–1936).

⁶² Милонов Юрий Константинович (1895–1980), профессиональный революционер, партийный и профсоюзный работник. Окончил Самарскую I мужскую гимназию. В 1912 г. гимназистом вступил в РСДРП(б). Поступив на юридический факультет Московского университета в 1915 г., в том же году бросил учебу (в кадровых документах после революции объяснял: «Помешали преследования полиции»). Стал профессионально заниматься подпольной партийной работой в большевистских ячейках Самары и других городов. После революции два года проучился в Институте народного хозяйства имени Г. В. Плеханова на отделении геологии золота («помешала окончить невозможность сочетать учёбу с работой»). Не получив высшего образования, преподавал политическую экономию в Самарской губернской партийной школе (1919–1920), был ректором Самарского рабоче-крестьянского университета (1920–1921), ученым секретарем Главполитпросвета НКП РСФСР (1921–1922), преподавал марксистские дисциплины в Высшей военной школе связи, на рабфаке МГУ, в МИИТе, Коммунистическом университете имени Свердлова, Высшей школе профсоюзного движения и др. В 1926–1929 гг. заместитель директора ГИМ, назначен на этот пост с заданием перевести музей на новые, марксистско-партийные рельсы. В 1930 г. главное национальное древлехранилище было переименовано в Музей истории развития общественных форм. Его новым директором стал Ю. К. Милонов, затеявший полную реконструкцию музея. При нем Общество друзей ГИМ было ликвидировано. Будучи вскоре убран из музея, снова на преподавательской и научной работе. Кандидат экономических наук (1937). В 1938 г. репрессирован «за контрреволюционную деятельность». С 1939 по 1956 г. в лагере (10 лет концлагеря и 5 лет поражения в правах; в 1948 г. повторно осужден на 10 лет) на Колыме. В лагере работал главным инженером золотоносного прииска. Затем сотрудник Магаданского института золота и редких металлов; преподавал в школе, филиале Всесоюзного заочного политехнического института. В 1956 г. реабилитирован, вернулся в Москву на журналистскую, научную (Милонов 1979) и преподавательскую работу.

В романе Б. К. Зайцева «Древо жизни» выведен в качестве комиссара ГИМа Баланды (который поучает, как надо работать, «отца русской нумизматики и сфрагистики», старейшего сотрудника музея А. В. Орешникова); см. биографические сводки и воспоминания о нем: Милонов 1975: 71–72, 1981; Воспитанники Московского университета... 1982; Рабочий класс... 2002: 283–303.

что археологический отдел музея разделён на три отдела и из него выделен ещё отдел «истории ударных орудий». Тут же меня поставили в известность, что я назначен заведующим первым археологическим отделом (палеолит, неолит, бронза). Весь этот отдел состоял тогда из двух человек — меня и О. А. Граковой⁶³. В музее начались новые порядки.

Прежний Учёный Совет, состоявший из посторонних лиц и составлявших план экспозиции, осуществлять который должны были сотрудники музея, был заменён новым Учёным Советом из самих сотрудников музея и нескольких приглашённых лиц. Археологические отделы должны были по-прежнему и хранить фонды, и экспонировать их, и производить их обработку, а кроме того производить раскопки за счёт музея (до этого Исторический музей самостоятельно раскопок не организовывал).

Хранительские отделы остались также на прежнем положении, неся обязанность [с. 31, л. 26; с. 30 отсутствует]

[...] с ететелями. Консультация таким «научным» посетителям была сделана во всех отделах обязательной для сотрудников. Для рабочих в некоторых отделах были организованы даже еженедельные занятия.

Для археологов же, конечно, главной задачей была реэкспозиция открытых зал. Добиться подлинного марксистского показа древнейшей истории человечества, не имея для этого никакого образца перед глазами, ни в наших советских, ни тем более в зарубежных музеях; при наличии только университетских познаний по марксизму; при существовавшей в то время разногласии среди объявлявших себя знатоками и толкователями высказываний Маркса и Энгельса по вопросу о древнем обществе [,] было делом далеко нелёгким. Каждую построенную нами часть экспозиции приходили, до её открытия, осматривать многочисленные комиссии, внутренние и внешние. Каждая комиссия старалась найти в экспозиции какие-нибудь «ошибки» немарксистского характера. Эти подлинные и воображаемые ошибки, рассматривались через увеличительное стекло, возводились в «уклон», в антимарксизм, даже в антисоветскую вылазку. Одна комиссия утверждала одно, другая — совершенно противоположное. Были [...] специальные почтовые ящики [...] мог опускать [...] [Низ листа оторван, утрачено от 7 до 10 строк] [с. 36, л. 27]

Как геральдические львы,
Здрав свой хвост до головы,
Пять тотемистов⁶⁴ из Москвы
Помчались к северу в болото.

⁶³ Гракова (Кривцова) Ольга Александровна (1895–1970), археолог, кандидат исторических наук (1941). Выпускница археологического отделения ФОН 1-го МГУ (1922), ученица В. А. Городцова. Научный сотрудник отдела доисторической археологии ГИМ (1922–1941, 1943–1954), и. о. доцента МГУ (1942–1943), старший научный сотрудник ИИМК АН СССР (1944–1959). Основные научные интересы связаны с изучением бронзового века Восточной Европы, Урала и Казахстана; см. о ней: Формозов 1970; Институт археологии... 2001: 132–133.

⁶⁴ [Примечание автора] 1) Наша компания ещё со времен университета в шутку называла себя «тотемом лягушки» и дала всем прозвища «махайрод», «гусь», «бобровый хвост», «гривна», «сюльгама» и т. д.

Не страшен им и мух укусы
 Ни комары, ни жирный гнус,
 Ни адский зной, ни тяжкий груз,
 Который вёз с собою кто-то.
 Так скоро докатились мы
 До крепковейной Костромы,
 Где шум московской кутерьмы
 Сменился леностной [так в тексте] дремотой.
 Музей, селянка и чай,
 Подчас словесные бои,
 Дожди и грязь... Друзья мои,
 Тащите к берегу котомки!
 Рисунков — целая гора,
 В бюджете ширится дыра,
 Итак, пора, пора, пора!
 Взывает Буй⁶⁵ наш на Костромке.
 Среди других таких же груд
 Тюки уложены на ют.
 Дождь хлещет. Слева, справа прут.
 Вперёд! Смелей на подвиг громкий!

Так в шуточных стихах описывал я нашу поездку. В Костроме к нам присоединился П. Н. Третьяков⁶⁶, тогда ещё школьник последнего класса школы. [С. 37 отсутствует]. [С. 38, л. 28].

Мы не встречали подобного случая. Как же быть? Как определить, где кончается стенка землянки и начинается нетронутая почва? И там [,] и тут одинаковая чёрная земля.

Посоветовавшись [,] мы вышли из положения. Дело оказалось проще, чем мы думали. Нетронутая почва была насыщена мельчайшими камушками, а заполнение землянки, естественно, нет. При «выкружке» (приём выкружки землянки уступами с последующей зачисткой стенок сверху вниз, изобретённый В. А. Городцовым), как только мы подходили к границе стенки, лопата, задевая эти камушки, вызывала характерный легко различимый треск. Дольше копать не надо. Приём оказался настолько удачным, что при помощи его мы обнаружили в стенке одной землянки нишу на высоте человеческого роста, на высоте около 80 см [,] и в ней, как на полке [,] три глиняных сосуда.

⁶⁵ [Примечание автора] 1) Название парохода на р. Костромке.

⁶⁶ Третьяков Петр Николаевич (1909–1976), археолог, член-корр. АН СССР (1958). Выпускник ЛГУ (1930). Ученик П. П. Ефименко. Лаборант (1927–1930), с 1930 г. сотрудник, заместитель директора (с 1941), директор (1945) ГАИМК–ИИМК–ЛОИИМК, с 1934 г. преподает в ЛГУ. С 1946 г. работает референтом в ЦК КПСС, оставаясь заведующим сектором этногенеза народов Восточной Европы в ЛОИИМК. В 1947 г. становится профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1951 г. директор Института славяноведения АН СССР. В 1959 г. вернулся в ЛОИА на должность старшего научного сотрудника (до 1976). Профессор ЛГУ (1966–1970); см. подробнее о нем: Петр Николаевич Третьяков 1983; Горюнов 1984.

Так раз за разом опыт учил нас. Нельзя предугадать, что может встретиться в раскопках, особенно в разных почвах и разных геологических условиях. На юге одно, на севере другое, болото требует особых приёмов и т. д. В безструктурном [так в тексте] лёссе яму можно обнаружить, поливая землю водою; при высыхании вода быстрее испаряется на нетронутой почве и яма обнаруживается в виде тёмного пятна. В зонах меридионального понижения культурный слой может оказаться много ниже уровня воды в реке или озере и быть перекрытым своей почвой, казалось бы, совершенно нетронутым («материком» по выражению археологов). И т. д.

На следующий год по приглашению К. П. Рева⁶⁷ мы решили обследовать Летний полуостров, точнее [,] Летний берег его. На этот раз нас отправилось трое [—] М. Е. Фосс, А. В. Збруева⁶⁸ и я. Это было в 1926 году.

Приехав в Архангельск, мы остановились у К. П. Рева. Не могу не описать одного случая во время этого пребывания. Квартира К. П. Рева помещалась во втором этаже двухэтажного дома. Дело было летом, когда в Архангельске ночью бывает совсем светло. Мы пробыли у него [с. 39, л. 29] несколько дней, ожидая подводы, которая должна была приехать за нами; а вызвать её можно было только из деревни. И вот однажды утром К. П. Рева рассказал нам о случае, который произошёл в эту ночь. Устроив нас, К. П. Рева лёг спать в большой комнате, служившей у него столовой. Окна этой комнаты выходили на улицу. Ночью он услышал шум и, проснувшись, увидел, что к одному окну приставлена лестница, и кто-то по ней лезет в окно. «Что тебе здесь надо? [—] спросил он. Вор — то был первый вор в Архангельске, — не смутившись, ответил: «Увидал всё-таки, чорт [так в тексте] лысый!» [,] и полез обратно.

В этом году мы раскапывали стоянки Нёноксу, Красную Гору, Малый Серт и Галдарею [Брюсов 1928а; Збруева, Фосс 1928]. В 1927–1929 годах я продолжал уже один с группой студентов археологическое исследование Летнего полуострова, пройдя по берегу Белого моря от Архангельска до Онеги. Незабываемые впечатления оставил этот край. Тогдашние поморские обычаи настолько отличались от наших среднерусских, что, казалось, мы попали в иную страну. И люди другие, и речь незнакомая, переполненная странными словами и оборотами — вплоть до сохранения местного падежа и двойственного числа; и одежда иная [,] вплоть до праздничных «светлых» платьев на женщинах —

⁶⁷ Рева Константин Павлович (1866–1942), археолог, этнограф, музейный работник. Преподавал в Архангельской мужской гимназии (1888–1898), служил в Архангельской таможе (1898–1917), работал директором Архангельского краевого музея (1917–1927). Открыл ряд неолитических стоянок на Беломорском побережье, которые в 1920-е гг. изучали А. Я. Брюсов, А. В. Збруева и М. Е. Фосс. Погиб в Анапе от рук фашистских оккупантов; см. о нем: Поморская... 2001: 340.

⁶⁸ Збруева Анна Васильевна (1894–1965), археолог. Доктор исторических наук (1953). С 16 лет работала народной учительницей в Подмосковье и в Москве. Закончила отделение археологии и искусствоведения ФОН 1-го МГУ (1922–1925). Ученица В. А. Городцова и Б. С. Жукова. С 1925 г. работала внештатным сотрудником ГИМ, научным сотрудником Музея народоведения и палеоэтнологической лаборатории Института и Музея антропологии МГУ, МОИИМК–ИИМК–ИА АН СССР (1936–1962). Вела раскопки памятников эпох камня, бронзы и раннего железа в центре, на севере, северо-востоке и востоке Европейской части СССР, в особенности на Вятке, Каме и Белой; см. о ней: Тихонов, Бадер 1967; Грюнберг 1967.

кокошники, украшенные жемчугом, шёлковые особого покроя юбки и кофты, шёлковые же «платы»; вспашка на людях (лошадей с ранней весны выпускали на волю и они до осени ходили табунами), местничество на торжественных пирах; и бережное отношение к детям, которых никогда не ругают и уж во всяком случае не ударят. Да всего и не перечислить.

В 1929 году я закончил обследование Летнего полуострова и из Онеги направился в Карелию, где произвёл раскопки (пробные) близ только что открытых А. М. Линевским петроглифов «Бесовы следки», по приглашению А. М. Линева, который сам участвовал в раскопках. С этого началось моё долготлетнее археологическое [Абзац перечеркнут автором. С. 40, л. 30. Далее машинописная нумерация страниц прерывается, цифры страниц поставлены синими чернилами]

Здесь уместно, чтобы в дальнейшем не возвращаться к этому вопросу, сказать несколько подробнее вообще о нашем севере, хотя с первого взгляда может показаться, что это не имеет отношения к археологии. Ниже я постараюсь показать, что этнографические наблюдения над фактами, приводимыми мною ниже, много дало мне в смысле понимания склада жизни людей той эпохи, которая избрана была мной для исследования.

Наш север сохранил много пережитков далекого прошлого, уходящих в неолит, а, может быть, и в мезолит. И не тех пережитков, которыми увлекаются этнографы. В этнографических работах редко о них упоминается. А между тем они очень важны для понимания характера человека того времени. Вот эти факты.

Население Летнего Берега в части, лежащей за Унской губой, немногочисленно — четыре деревни: Яренга, Галдарея, Дуриково и Красная Гора. Деревни эти небольшие и находятся друг от друга на 35–50 километров⁶⁹. Расположены они на берегу Белого моря. Пароходы обычно туда не заходят. Земля малоурожайная и главное занятие жителей [—] ловля рыбы. Море, собственно [,] берег моря, поделён на участки в версту длиною и ежегодно переделяется между жителями деревень по участку в две семьи, которые сменяются на «тони» (рыболовецкой избушке, построенной на каждом участке) через неделю. Часть мужского населения занимается рыбной ловлей летом в Норвегии, куда выезжает через горло Белого моря на карбасах (морских лодках).

Все знают друг друга и могут перечислить род каждого по крайней мере до третьего поколения. И если происходит какое-либо большое торжество, то места за столом распределяются соответственно этому счёту. Например, на свадебный обед рядом с моло [с. 41, л. 31] дыми сажают самого близкого родственника, хотя бы он был мальчик, а почтенный старик, на степень родства ниже, довольствуется менее почётным местом. В других местах СССР этот идущий от родового строя обычай выродился в местничество и был прекращён уже при Петре I. Здесь он царил полноправно и не вызывал никаких споров.

Обычай гостеприимства больше всего выразился в Карелии (те же годы). В деревнях западной Карелии даже удивлялись вопросу, когда под вечер в пути в разведках мы спрашивали какую-нибудь хозяйку в деревне: «Можно ли у вас переночевать?».

⁶⁹ [Примечание автора] 1) Это относится к [19]20-м годам.

«А почему нельзя?» [—] был обычный ответ. Больше того, когда утром мы собирались уходить и спрашивали, сколько нам надо заплатить за ночлег и выпитое обычно молоко, хозяйка принимала это за оскорбление.

В одной деревне в Карелии (ныне в Вологодской области) мы прожили втроем две недели у одной крестьянки. По утрам нас поили молоком, подавали к чаю хлебное, варёные яйца, снабжали завтраком на время работы (мы вели раскопки вне деревни на одном из полуостровов), а вечером угощали обедом. И всё это в голодные годы! Когда же в конце работ мы хотели расплатиться, то за всё с нас хозяйка потребовала 16 рублей — 5 рублей стряпухе за работу, 11 рублей «дурным людям», а за постой ничего, как «знакомым» (мы работали там же за год до этого). Оказалось, что каждое утро она выходила на крыльцо и находила на нём всякую снедь: яйца, молоко, рыбу и т. д. — принесённые для гостей другими крестьянами. А если этого не хватало для нашей кормёжки, то она подкупала провизии у «дурных людей». Заметьте [—] это делалось для «знакомых», так как нас уже знали. А это в то время было очень важно [л. 42, с. 32].

В некоторых местах посторонний, неизвестный человек мог оказаться в крайне затруднительном положении, особенно если он не знал местных обычаев. Плохого бы ему ничего не сделали, но во всём стали бы отказывать под различными предложениями — в помещении, продаже молока, яиц и т. д. Поэтому, попадая в новую деревню, где нас не знали, приходилось, если мы рассчитывали пробыть в ней долго, действовать дипломатически, начинать разговор издалека. Начинался диалог с кем[-]нибудь из жителей следующим образом.

«Здравствуйте».

«Здравствуйте. Откуда вы будете?».

На ответ, что мы из Москвы, следуют обычные вопросы: кто вы? Чем занимаетесь? Зачем приехали? И тому подобные. И [,] наконец [,] следует вопрос: «Не знаете ли вы (или не встречали ли вы) такого-то? (называется имя).

Ответ: «Нет, не знаю» и ответит вопросом: «А вы не знаете ли такого-то?».

Так попеременно перечисляю одного за другим всех, с кем приходилось встречаться, я отвечаю на аналогичные вопросы собеседника. Наконец, удастся найти общего «знакомого». Всё в порядке. Связь установлена. Остается спросить, можно ли занять у него какое-нибудь помещение. Чаще всего следует ответ, что можно, а если почему-либо нельзя, то собеседник указывает, к кому идти [так в тексте] и сам ведет нас туда.

То же с покупкой молока, яиц и проч. Хозяйка на первый вопрос, можно ли у нее купить молока, отвечает отказом, ссылаясь, что ей самой молока не хватает. Не смущайтесь. Повторите свою просьбу еще и еще раз, и по третьей просьбе получите молоко. А на завтра [так в тексте] сама продавшая молоко встретит вас вопросом: «Молочка вам сегодня надо?»

[с. 43, л. 33]. Требовалось, идя по берегу Белого моря (чётких дорог на Летнем Берегу почти не было) [,] и [,] встретив кого бы то не было, остановиться и поговорить с ним, а, проходя мимо рыбацкой тони, завернуть туда и поговорить с хозяином, если он был там (в случае его отсутствия поперек двери была поставлена палка). Иначе вы прослывете среди населения как «гордый» человек и к вам будет соответственное отношение.

Эти и другие странные на первый взгляд обычаи держались до самого последнего времени и объясняются тем, что условия жизни на крайнем севере

в некоторых отношениях похожи на условия жизни при родовом строе. Население редко и немногочисленно, ограниченный круг людей, имевших постоянное общение друг с другом [,] объясняет настороженное отношение ко всякому постороннему, неведомо для чего попавшему в этот край. Это, конечно, не относилось в наше время к официальным лицам — чиновнику, врачу и т. д. — приезжавшим туда с поручениями: тут всё с самого начала было ясно. Пережитки всеобщего гостеприимства обязывали принять и помочь всякому, предоставить ночлег, накормить, помочь в беде, болезни и т. д. В противном случае надо было сначала узнать его поближе [,] не попусту ли он тут болтается, не может ли быть какой неприятности от него или даже злого умысла.

Всё это позволяло понять, как и почему в древности люди могли при замкнутости родового строя совершать далёкие, тысячивёрстные [так в тексте] передвижения, вести обмен, заимствовать друг у друга новшества.

Я так пространно остановился на этом примере — а аналогичных примеров я мог бы привести много — чтобы показать, как эти этнографические наблюдения всё более и более давали мне возможность «реально» представить себе образ жизни человека неолитического периода [л. 34, с. 44].

Три лета пробродили и поездили мы в этом крае, на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. Чтобы не быть зависимыми, мы приобрели свой карбас, так как главная дорога там по морю. Весь берег от Нёноксы до гор. Онеги был обследован нами. Много неолитических стоянок было нами открыто и обследовано. И всё это проводилось своими силами, редко удавалось нанять 2–3 рабочих. Никаких суточных и квартирных тогда не полагалось. Но и денежные отчёты сдавались попросту: писали лично от себя, что потрачено на дорогу столько-то и т. д. Никаких удостоверений расхода не требовалось: верили в учреждении наслово [так в тексте], и я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь, когда-нибудь злоупотребил этим доверием. Фотографировали сами, чертили сами, отчёты составляли и иллюстрировали их сами. За анализы часто платили из своих средств. Господствовало доверие, — право — результаты работ были не хуже теперешнего, а расходовали много меньше.

Но мы сделали трудно поправимую [так в тексте] ошибку, которую я осознал много позднее. Берег мы обследовали досконально, но в глубь [так в тексте] полуострова не заходили. А ведь были признаки, звавшие нас туда. Мы не могли не видеть, что среди найденных предметов почти нет ни одного крупного рубящего шлифованного орудия. Единственный раз на стоянке на р. Малый Серт попался небольшой шлифованный топорик вестландского типа, а скребки и наконечники стрел встречались в изобилии, равно как и керамика. И никаких следов от жилищ!

Только позднее, когда был приобретён опыт в разведках, я понял, что мы имели дело с местами летних промыслов на берегу моря. Постоянные, прочные посёлки человека должны были находиться в глубине полуострова, у озёр, из которых вытекали многочисленные речки, близ устья которых неизменно находились раскапывавшиеся нами стоянки. Но по неопытности, по молодости лет нам и в голову не приходило углуб [л. 35, с. 46; с. 45 отсутствует] [итесь].

Из последних сил закладываем шурф около самой тропы. Шурф всего 50 × 50 см: на большее сил не хватает. Но счастье нас ждёт. В этом крошечном шурфе мы находим большую часть раздавленного неолитического сосуда, сланцевое долото и несколько осколков сланца и кремня. Победа! Стоянка есть!

Так была открыта Сунская I-ая стоянка, с которой начались мои раскопки в Карелии. Я раскапывал её несколько лет; около ее на пространстве в I ½ км на берегу р. Суны я обнаружил 6 стоянок неолитической эпохи [Брюсов 1947б]. Сунская стоянка дала мне первую прочную ось для датировки карельского неолита. А, главное, на ней я и мои последующие товарищи и ученики получили опыт разведок в Карелии. Печально сознаться, но это действительно так. Десять дней наших бесплодных попыток с Прокошевым⁷⁰ разыскать неолитическую стоянку, конечно, объясняются нашей тогдашней неопытностью. Мы не учли явления перекоса фенноскандинавского щита и соответственного перекоса ванн Ладожского и Онежского озёр. Производя разведки на юге Карелии, мы искали неолитических стоянок на современных берегах рек, не учитывая, что древний берег в нашей области поисков должен находиться значительно выше. И только случайность, заболоченность берега, загнали нас выше к древнему берегу, где мы и нашли Сунскую стоянку. Много раз потом мне пришлось убеждаться, что археологические разведки требуют разных приёмов в разных областях, и чтобы успешнее производить их, надо знать геологическую историю того района, и даже микрорайона, где ты стремишься отыскать те или иные археологические памятники. Особенно обманчивы микрорайоны меридионального поднятия и опускания почвы, в чём мне [л. 36, с. 47] пришлось убедиться [,] производя работы на северо-западе Вологодской области. Но об этом я скажу ниже.

Много лет я проработал в Карелии, производил разведки и раскопки и в Заонежье, и на западном берегу Онежского озера, и на беломорском побережье, и в Западной Карелии и южнее Онежского озера в той части, которая отошла позднее к Вологодской области — районе периодически исчезающих озёр. Я остановлюсь только на тех моментах этой работы, которые представляют общий интерес.

Одним из ранних объектов, которые мне пришлось исследовать, была стоянка и святилище в низовьях р. Выга близ тогдашнего села Сороки, нынешнего города Беломорска [Брюсов 1947в; Савватеев 1977: 48, 49]. Молодой тогда, только что закончивший Ленинградский университет этнограф, ученик Штернберга⁷¹, А. М. Линевский, предложил мне произвести раскопки около открытых

⁷⁰ Прокошев Николай Афанасьевич (1907–1942), археолог. Трудовую жизнь начал токарем на 1-м государственном хромовом заводе в Вятке (1925). Учился на историко-археологическом отделении философского факультета МГУ под руководством В. А. Городцова (1926–1930). В 1930–1931 гг. зав. историко-бытовым отделом Пермского областного краеведческого музея. С ноября 1931 г. аспирант ГАИС по археологическому сектору (реорганизованного в 1932 г. в МОГАИМК) под руководством П. А. Дмитриева и А. Я. Брюсова. В 1933 г. переведен в аспирантуру ГАИМК в Ленинград, руководитель А. В. Шмидт. С 1934 г. сотрудник ГАИМК–ИИМК. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию «Пещерные памятники Урала как исторический источник». В 1933–1937 гг. возглавлял экспедицию ГАИМК в зоне строительства Камской ГЭС. В 1938–1940 гг. исследования в устье Камы, на Вятке и Чусовой. Основные труды по неолиту, энеолиту, бронзовому и раннему железному векам Прикамья и Среднего Урала. В 1941 г. ушел добровольцем на фронт, погиб под Ленинградом; см. о нем: Збруева 1953; Оконникова 2006.

⁷¹ Штернберг Лев (Хаим-Лейб) Яковлевич (1861–1927), революционер-народник, этнограф, лингвист, фольклорист, музевед. Участь на физико-математическом факультете Петербургского, а затем на юридическом факультете Новороссийского университета

им петроглифов на р. Выге в окрестностях деревни Выгостров. Впервые я тогда познакомился с карельскими петроглифами. Они оказались, вопреки моему представлению о петроглифах, выбитыми не на вертикальной поверхности скалы, а на слегка покатой к берегу гладкой скале. Я не намереваюсь описывать и давать им толкование этим хорошо теперь известным петроглифам «Бесовы следки» (название дано им А. М. Линевским). Скажу только, что на меня большое впечатление произвели результаты раскопок около этих петроглифов, результаты, которых я никак не ожидал. Мы начали раскопки тотчас за петроглифами и открыли своеобразный памятник, который я назвал «святылищем». Сейчас же за петроглифами открылось естественное углубление в скале, довольно обширное и достигавшее глубины около метра. Неровное дно этого углубления было выровнено насыпкой мелкой гальки. От петроглифов вниз, в это углубление вели три каменных ступени. [л. 37, с. 48] На полу этого своеобразного жилища было обнаружено три очага. У выхода из него, около самых петроглифов [,] лежал большой плоский валун, явно намеренно принесённый сюда и, повидимому [так в тексте], служивший здесь жертвенником. Это в первый раз натолкнуло меня на мысль, что древний человек использовал камень на строительстве своих жилищ, подтвердившуюся много позднее, когда я увидел собственными глазами вымощенные плитками площадки перед пещерным палеолитическим жилищем на юге ГДР в Герах.

Забегая вперёд, коснусь общего вопроса о значении петроглифов. Я много работал над ними, и здесь, и на восточном берегу Онежского озера у деревни Выгостровской. В статье об этих петроглифах [Брюсов 1937] я пытался обосновать предположение, что часть из этих рисунков представляет попытку передать существовавшие в то время мифы. Часть изображений на петроглифах Залавруги заставила меня предположить, что они являются рисунками мемориального характера. Теперь [,] после продолжения раскопок стоянки около этих петроглифов, начатых мною и продолженных Ю. Савватеевым⁷² [1977: 23–82], находка последним под культурным слоем новых петроглифов несомненно меморативного характера, заставляют меня убедиться, что многие из петроглифов имеют тот же характер. Быть может [,] большинство из них представляет из себя своеобразную запись о произошедших событиях.

В первые годы моей работы в Карелии мне удалось также наблюдать исключительное явление — и вот как это произошло. При разведке на берегах Машозера и озера Лососинного, находящихся километрах в 10 [цифра зачёркнута]

в Одессе, принимал участие в подпольных народнических организациях. Арестован (1866) и после тюремного заключения сослан на Сахалин (1889–1897). В ссылке занялся изучением быта различных туземных народов (нивхов, орочей, гольдов, айнов и др.). С 1901 г. сотрудник Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, с 1918 г. его директор. Один из основателей Высших географических курсов, преобразованных сначала в Географический институт, а затем в географический факультет Ленинградского университета, профессором и деканом этнографического факультета (затем отделения) которого он состоял в дальнейшем; см. о нем: Гаген-Торн 1975; Сирина, Роон 2004.

⁷² Савватеев Юрий Александрович (1936 г. рождения), археолог. Проводил разведки и раскопки древних стоянок и петроглифов в различных районах Карелии (1955–1985). Доктор исторических наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Карелии. Директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (1988–2005). Ныне советник РАН.

16 от Петрозаводска [,] нам сообщили о постоянных находках весною в половодье на северо-восточном берегу Машозера выбрасываемых водою обломков глиняных сосудов и каменных орудий. Попытки наши отыскать это место, для чего работавшие в это лето студенты ныряли [л. 38, с. 49] неоднократно около места находки — не дали результатов. Зная, что вода в озере искусственно поднята ещё со времён Петра I для снабжения Петровских заводов, я просил сторожа в случае спуска плотины сообщить об этом в Карельский музей в Петрозаводск. Но ждать пришлось этого события более пяти лет. Только осенью 1932 года, когда мы уже кончили работу в Карелии и почти все уже уехали по домам, пришло сообщение, что слишком засушливая осень заставила спустить плотину. Наскоро собравшись, мы втроем — Н. Н. Виноградов⁷³, В. Пучинян⁷⁴ и я — отправились на эти озера. Мы наблюдали там удивительную картину, которая едва ли повторится ещё раз где-нибудь. Вода в озере Лососинном, действительно, спала, обнажив древние берега почти полностью. Но вместе с тем она размывала древние стоянки, так что раскопки на них были невозможны: культурный слой весь был уничтожен, но уничтожен только до низа его; очаги, сложенные из камней [,] сохранились почти все; только некоторые из них слегка расползлись [Брюсов 1947г]. Вокруг очагов лежали все вещи, в подавляющем большинстве полуготовые каменные сланцевые орудия, брошенные заготовителями, потому что какой-нибудь изъян в камне помешал довести работу до конца. Обломков глиняных сосудов, обычно в большом числе встречающихся на неолитических стоянках, не было здесь совершенно. Группы таких очагов были разбросаны по 3–4–5 штук в разных местах по берегам озера и на его островах. И всё это было у истоков или впадения в озеро мелких речек, или же у протока между озером и берегом, между островами и т. д.; т. е. там, где и современный рыболов выберет себе место для ловли рыбы. А в трёх–пяти десятках шагов от очагов [так в тексте], дальше от берега, почти всегда выдавалась над песчаным береговым пляжем, в обресе коренного берега груды сланцевых валунов и рядом с ними первичные сколы с них и грубые заготовки под орудия.

Картина была настолько ясной, что говорила сама за себя. Совер[л. 39, с. 50; хотя за 49 стр. чернилами проставлено стр. 50, но следующих текстуально листа (или листов) нет]

[...] лет снова наполняющиеся водою. Озёра эти весьма рыбные, и когда озёра высыхают [,] рыба не остаётся на дне, как ожидалось бы, а исчезает, неизвестно куда. Когда же эти озёра вновь наполняются водою, в них снова появляется рыба, но в первые годы чешуя у них [так в тексте] бывает темная.

⁷³ Виноградов Николай Николаевич (1876–1938), историк, археолог, фольклорист, музейный работник, краевед. Выпускник духовной семинарии в родной Костроме. Учился в Петербургском университете, заканчивал высшее образование в Московском. Служил в Костроме чиновником и до, и после революции. Архивные документы, опубликованные Л. И. Сизинцевой, свидетельствуют, что и в Петербурге, и позднее в Костроме он уличался в кражах музейных и архивных материалов. В 1926 г. на три года сослан на Соловки, где заведовал музеем. Его заботу о соловецких памятниках археологии вспоминает в мемуарах Д. С. Лихачёв. С 1932 г. старший научный сотрудник карельского заповедника «Кивач». Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г.; см.: Сизинцева 1996.

⁷⁴ Биографические данные не установлены.

Случается это во всех «периодически исчезающих озёрах» одновременно. К числу таких озёр принадлежит Куштоозеро, Укроозеро, Лухозеро и другие в Выборгском районе Вологодской области. Когда вода в озёрах пропадает, местное население запахивает дно и сеет там хлеба. Глубина этих озёр довольно большая, особенно в периоды полного наполнения.

У населения существует легенда, в которой говорится, что «хозяин» (водяной) Куштоозера играл в карты с хозяином Онежского озера и проигрался в пух и прах. Пришлось ему идти [так в тексте] в рабство к хозяину Онежского озера. И с тех пор каждые семь лет он уходит на три года работать к хозяину Онежского озера.

Г. Куликовский⁷⁵ объясняет это явление тем, что около каждого озера существуют близь южного края их карстовые воронки (по[-]местному «пучины»). Вода якобы уходит через них в подземные реки, а когда воронка засоряется, вода снова наполняет ванну озера. Утверждает даже, что к западу от Куштоозера, когда вода уходит из него, где-то выбивается из под [так в тексте] земли фонтан воды, дающий начало речке Базаихе. На самом деле речка Базаиха вытекает из Куштоозера и благополучно течёт в Белое море. Кроме того [,] гипотеза Г. Куликовского не объясняет одновременности исчезновения воды во всех этих озёрах, как не объясняет также исчезновения [так в тексте] и появления рыбы.

Мне пришлось работать на Куштоозере дважды с большим перерывом. В первый раз я был во время большой воды. Мы работали на острове Илекса и ездили туда на лодке. Второй раз я был там, когда вода ушла из озера и мы ездили на остров Илексу на грузовой машине по дну обсохшего озера. [л. 40, с. 55 — вновь пропечатанная на машинке; утрачено 4 страницы]

[...] пляжам, на которых располагались древние поселения. Тут же находились обширные озёра, ныне представляющие из себя «чисти», т. е. открытые болота, соединённые узкими проточками с рекою. Так же чисти были и в глубине леса, и все они соединялись друг с другом сложным лабиринтом протоков, в которых легко было запутаться. Однажды мы с И. К. Цветковой⁷⁶ попытались ознакомиться с этими протоками, и заплутались в них в чаще леса. Мы до самого вечера проехали на лодке в этих протоках, ища выхода из этого лабиринта. В многочисленных озерах, представленных ныне чистями и соединёнными друг с другом протоками, человек в древности ловил рыбу [,] а в окрестных лесах охотился на лосей и бобров, строивших свои домики на этих протоках. Кости тех и других в большом количестве встречаются на стоянках.

⁷⁵ Биографические данные не установлены.

⁷⁶ Цветкова Ирина Константиновна (1917–2001), археолог, музейный работник. Училась на Высших музейных курсах НКП РСФСР (позднее музейный факультет Ленинградского политехнико-просветительского института им. Н. К. Крупской) (1936–1940). По окончании института работала зав. отделом археологии Сталинградского областного музея краеведения (1940). В конце 1941 г. переехала в Москву и поступила на работу в Музей революции; с 1943 г. в археологическом отделе ГИМа. Защитила кандидатскую диссертацию «Волосовская культура» (1950), ученица А. Я. Брюсова. Основные полевые и научные исследования связаны с неолитом и энеолитом Окского бассейна; см. о ней: Ирина Константиновна Цветкова... 2002.

На одной такой стоянке [Брюсов 1961б] и примыкавшем к ней обширном могильнике в местности Караваиха (в Кирилловском районе Вологодской области) [Брюсов 1941: 17–20] мы обнаружили любопытное погребение молодой женщины, любительницы, по[-]видимому, рыбной пищи. При раскопках этого погребения в области желудка и прямой кишки этой женщины оказалось огромное количество мелких костей рыбы. Было очевидно, что она объелась рыбы и умерла от заворота кишок.

Говоря о раскопках в этой местности, не мешает сказать об одном интересном факте, свидетельствующем об отношениях друг с другом местного населения, по[-]видимому принадлежавшего к разным племенам. При раскопках одного домика на свайном поселении конца третьего тысячелетия до н. э. был найден человеческий череп. Отдельные кости человека, преимущественно фаланги руки, встречались и ранее. При исследовании этого черепа М. М. Герасимовым⁷⁷ оказалось, что этот череп был отрезан от туловища (сохранилось несколько шейных позвонков) [,] а в затылочном отверстии торчал заострённый конец кола. Очевидно, что этот череп был насажен на кол и составлял военный трофей⁷⁸ [с. 56, л. 41].

Как раз в разгар моих работ в Вологодской области умер Д. Н. Эдинг⁷⁹, в течение ряда лет производивший раскопки на торфяниках Среднего Зауралья, и Гос. Исторический музей, сотрудником которого он состоял, предложил мне продолжить его раскопки на Горбуновском торфянике. Несколько лет подряд я вёл эту работу и затем передал это дело В. М. Раушебах⁸⁰, также сотруднице Гос. исторического музея, которая до этого принимала участие в моих раскопках. Я же вернулся в Вологодскую область.

⁷⁷ Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970), антрополог, археолог, скульптор. С 1922 г. школьником начал работать в Иркутском музее; ученик Б. Э. Петри. С 1932 г. в Ленинграде: в отделе палеолита ГАИМКа (с 1933 г.) и реставрационных мастерских Эрмитажа. С 1944 г. в Москве в ИИМКе. В 1950 г. создал лабораторию пластической реконструкции при Институте этнографии АН СССР. Доктор исторических наук (1956). Лауреат Государственной премии СССР; см. о нем: Герасимова 2004.

⁷⁸ См. заключение М. М. Герасимова и пластическую реконструкцию по этому черепу: Брюсов 1951: 45, рис. 14.

⁷⁹ Эдинг Дмитрий Николаевич, фон (1887–1946), барон; археолог, геолог. Выпускник МАИ (1910), ученик В. А. Городцова, параллельно обучался геологии на физико-математическом факультете естественного отделения Московского университета. Член ИМАО (1914). С 1918 г. в ГИМе: сначала в отделе народного творчества, затем в археологическом отделе (с 1922), с 1923 г. зав. отделом славяно-финской археологии, с 1929 г. эксперт отдела дерева, с 1932 г. зав. отделом хранения археологических материалов, затем научный сотрудник отдела древней истории. Преподавал в Ярославском университете и в отделениях МАИ в Ростове и Ярославле. Основные полевые и научные труды связаны с изучением Уницкой палеолитической стоянки и Сарского городища на верхней Волге и Горбуновского и Кировоградского торфяников на Среднем Урале. Раскопки торфяниковых памятников принесли ему европейскую известность, но также подорвали здоровье. Последние годы жизни изучал материалы готских памятников Крыма; см. о нем: Смирнов 1953; Гаджиева, Рыжкова 2007.

⁸⁰ Раушенбах Вера Михайловна (1911 г. р.), археолог, музейный деятель. В 1946 г. окончила кафедру археологии МГУ. Ученица А. Я. Брюсова. Основные полевые и научные исследования связаны с изучением неолита Окского бассейна и торфяниковых памятников Среднего Урала; см. воспоминания: Бернгарт 2000.

Кроме того [,] мне пришлось по разным причинам работать и в других местах. Так [,] например, я принимал участие в раскопках Гонцовской палеолитической стоянки на р. Удае в Укр. ССР [Брюсов 1940в] и в раскопках торфяниковой стоянки Сарнате в Латв. ССР. В первом случае дело было так: Наркомпросы РСФСР и УССР сговорились устроить совместную Археологическую экспедицию, и от имени РСФСР согласился принять участие в ней Д. Н. Эдинг, а от УССР И. Ф. Левицкий⁸¹. Но когда наступил день отъезда, Д. Н. Эдинг категорически отказался, ссылаясь на нездоровье. Гос. исторический музей не нашёл ничего лучшего, как заменить его мною. Кроме меня [,] от Исторического музея выехала со мною М. Е. Фосс. Ни ей, ни мне никогда не приходилось раскапывать памятники, относящиеся к палеолиту, и поэтому мы оба с некоторым опасением отправились к месту работы. Но, как оказалось впоследствии [,] раскопки палеолитической стоянки ничем не отличаются от раскопок неолитической и даже в некоторых отношениях проще, особенно чем раскопки торфяниковой стоянки. Так что всё обошлось для нас благополучно. Для геологических наблюдений и для определения на месте находок костного материала был выделен из Киева И. Г. Пидопличко [так в тексте]⁸². Во главе экспедиции был поставлен И. Ф. Левицкий, но сумма, отпущенная Гос. историческим музеем [,] находилась в моём распоряжении. Нас заранее предупредили, что И. Ф. Левицкий обладает очень тяжёлым характером и что нередко даже случается, что сотрудники экспедиции разбегаются от него. Но мы с М. Е. Фосс придумали метод «усмирения» И. Ф. Левицкого. При всяком конфликте [л. 42, с. 57] мы созывали производственное совещание, в котором принимали участие Левицкий, Фосс, я и прикомандированный к экспедиции аспирант киевского Института археологии Галич⁸³, который всегда стоял на нашей стороне. И. Ф. Левицкому приходилось подчиняться. Особенно резок был конфликт, — уж не помню по какому поводу, — в самом конце наших совместных

⁸¹ Левицкий Иван Фёдорович (1896–1952), краевед, археолог. Сотрудник Житомирского краеведческого музея, затем Харьковского исторического музея. Вел раскопки палеолитических и других памятников на Волыни, затем на Харьковщине.

Гонцовская стоянка — памятник верхнего палеолита (поздний Мадлен) на берегу р. Удае, близ села Гонцы Полтавской области. Открыта в 1873 г. Ф. И. Каминским. В 1935 г. раскапывалась А. Я. Брюсовым, М. Е. Фосс, И. Ф. Левицким, И. Г. Пидопличко. Этими раскопками открыты остатки двух поселений: более древнего оседлого с зимним жилищем — землянкой, кострищем и скоплениями мамонтовых костей и более позднего — сезонного, летнего (типа шалаша) с костром под открытым небом. Тем самым прослежен переход к охоте на мелких животных и, соответственно, к более подвижному образу жизни.

⁸² Пидопличко Иван Григорьевич (1905–1975), зоолог, палеонтолог, археолог. Окончил учительские курсы в Корсунь-Шевченковском (1924), затем Ленинградский институт прикладной зоологии и фитопатологии (1927). Затем сотрудничал в Институте зоологии и биологии, Институте археологии, университете в Киеве. Специализировался на палеозоологии. Участник Отечественной войны (1941–1945). Член-корреспондент (1961), академик (1967) АН УССР. Участвовал в раскопках нескольких палеолитических памятников на Украине. Многие его гипотезы относительно плейстоцена носили парадоксальный характер и не нашли признания у коллег (об отсутствии ледникового периода, антропогенном факторе вымирания крупной фауны, прародине человечества и др.); см.: Крахмальня, Михалевиц, Семёнов 2005.

⁸³ Галич — лицо, составителями не установленное. Отсутствует в энциклопедическом словаре-справочнике Г. Г. Мезенцевой (1997).

раскопок (после нашего отъезда раскопки продолжал И. Ф. Левицкий). Как всегда И. Ф. Левицкий подчинился решению совещания, но так расстроился, что объявил [,] что он болен. А на завтра [так в тексте] в воскресенье он же назначил представителям районных органов власти экскурсию на наши раскопки, которую [должен] был проводить он сам.

Наступило воскресенье, И. Ф. Левицкий продолжал «болеть» и категорически отказался вести экскурсию. Пришлось заменить его мне.

Иду на раскоп. Глубина раскопа 5,5 метров. Я стою внизу, экскурсанты наверху, на краю раскопа. Я объявляю им, что И. Ф. Левицкий внезапно заболел и не может лично принять их и провести экскурсию. Я принуждён заменить его, но к сожалению должен говорить по[-]русски, так как украинским языком не владею. Жду сетований, так как дело происходило в момент усиленной украинизации, и вдруг слышу довольные голоса: «Вот и хорошо. По крайней мере[,] всё поймём».

При раскопках Гонцовской палеолитической стоянки я убедился, насколько рискованно считать кости мамонта, найденные на стоянке, за признак охоты на него человека. Многие из них могут иметь совсем другое происхождение.

Гонцовская стоянка находится на сравнительно узком конце мыса, вытянутого перпендикулярно р. Удаю. Описывая свои наблюдения при раскопках в 1915 году [,] В. А. Городцов, участвовавший в них по приглашению губернского земства, пишет по поводу одной кучи костей мамонта: «Интересно ещё одно наблюдение: среди столь обильных скоплений мамонтовых костей, какое наблюдалось в открытой нами части стоянки, оказалась только одна нижняя челюсть мамонта. Где же остальные?» (Тр. Отдела археологии Института археологии [л. 43, с. 58] и искусствоведения РАНИОН. М., 1926, стр. 24) [Городцов 1926].

В начале раскопок мы произвели зачистку северо-западного склона мыса. Этот склон опускался в древний овраг, ограничивающий с этой стороны площадь стоянки. Здесь мы не нашли ничего нового: культурный слой стоянки тянулся до самого конца, до оврага. Но когда мы принялись за зачистку стенки оврага, то обнаружили большое число костей мамонта, смытых некогда вниз по оврагу весенними водами; это было ясно по их распределению: выше по оврагу лежали крупные кости, ниже — кости поменьше, ещё ниже — мелкие кости. Среди этих костей оказалось много нижних челюстей. Бесструктурная, лёссовидная супесь, в которой лежали эти кости, на некоторой глубине переходила в кривульчатый⁸⁴ лёсс с разрывами его на некоторых расстояниях. Ясно, что эти кости лежали ранее в большой линзе льда, после таяния которой лёсс и принял такие очертания. Повидимому здесь было «кладбище мамонтов» (слоны уходят умирать в определённое место) и человек приходил сюда, чтобы использовать эти кости на выделку орудий и украшений. Нужно бы было продолжить раскопки вглубь этого берега оврага, но [,] к сожалению [,] он был под полем, засеянным пшеницей, а у нас не было средств, чтобы откупить часть его.

Очевидно, этот случай не единственный. Такое же положение, надо думать, наблюдается в Костёнках на Дону. Ведь с XVIII века там вывозили кости телегами для выварки клея. Из[-]за обилия костей и село было названо «Костёнки».

⁸⁴ «Кривульчатый — из кривулей состоящий»; «кривуля — что-либо кривое, изогнутое»; см.: Даль 1953: 194.

Племянник академика Гмелина⁸⁵ даже строил в XVIII веке наивное предположение, что это кости слонов, находившихся в армии Александра Македонского, проходившей якобы через Костёнки. Нет никакого вероятия, что все эти мамонты были убиты человеком. Большинство костей, вероятно, происходит, как и в Гонцах [,] с кладбища мамонтов. Того же мнения придерживается и В. И. Громов⁸⁶, указывая на некоторые другие признаки — находки костей в сочленённом положении, нерасчленённость их в противоположность [так в тексте] костям других животных⁸⁷. Это, конечно [,] не означает, чтобы человек того времени не охотился на мамонта, но истреблять его в таком количестве человек был, конечно, не в состоянии.

Не буду утомлять читателя перечислением других моих работ в поле. Мне приходилось работать и в Крыму, и в Казахстане, под Москвою, в Архангельской, Новгородской [так в тексте] областях. Вернусь к своим теоретическим работам. Теоретические вопросы археологии интересовали меня ещё во время аспирантуры в РАНИОНе⁸⁸. Но тогда я был совершенно неподготовлен к этому. У меня не было достаточно опыта. Только долгие годы работы, раскопки памятников различного рода, относящихся к разному времени, в разных местах, и не в последнюю очередь знакомство с обширной литературой привлекли меня

⁸⁵ Гмелин Самуэль (Самуил) Готлиб Георг (1745–1774), ученый-натуралист (ботаник, зоолог, геолог, географ, этнограф), путешественник. Племянник И. Г. Гмелина (1709–1755) — члена Санкт-Петербургской Академии наук (с 1731). Уроженец Германии. С 1767 г. на русской службе, член Санкт-Петербургской Академии наук. По заданию Академии совершал экспедиции в 1768–1874 гг. по побережью Каспия, на Кавказ, в Иран. Его печатный труд «Путешествие Гмелина по России для исследования трех царств естества» (в 3 т. СПб., 1771–1785), изданный на немецком и на русском языках, вобрал в себя массу важных для науки и политики сведений о природных ресурсах, народах, экономике в областях, населенных тогда калмыками, астраханскими татарами и армянами, яйцкими казаками, персами. На обратном пути из Ирана в Астрахань попал в плен к кайтакскому хану и умер в плену; см. о нем: Полиевктов 1935.

⁸⁶ Громов Валериан Иннокентьевич (1896–1978), геолог и палеонтолог. Учился в Киевском университете св. Владимира, на естественном отделении физико-математического факультета. В 1916–1918 гг. на фронте, прапорщиком. Завершил войну начальником разведки батальона. Отравлен газами и демобилизован. Вновь мобилизован в армию Колчака, служил там в железнодорожных войсках, а с весны 1920 г. призван уже в Красную армию. В ней служит на Севере, в Обь-Енисейском гидроотряде. И на военной службе ведет полевые научные исследования по геологии, археологии, этнографии, биологии. С 1923 г., демобилизовавшись, живет и работает в Красноярске. Стержневая тема всех его последующих научных изысканий — роль крупных млекопитающих и человека в истории четвертичного периода. В 1925–1937 гг. работал в Ленинграде в ГАИМКе. В московский период своей жизни и деятельности преподавал в МГУ, других вузах, сотрудничал с ИИМК, был зам. председателя Четвертичной комиссии, зав. отделом четвертичной геологии Геологического института АН СССР (1941–1970). Доктор геолого-минералогических наук (1949). Профессор (1963). Государственная премия СССР (1950). В качестве геолога и палеонтолога принимал участие во многих раскопках и определении раскопанного археологами-палеолитчиками остеологического и геологического материала. Труды посвящены палеонтологии, биоистратиграфии и палеогеографии четвертичных отложений и геологии палеолита.

⁸⁷ [Примечание автора] 1) В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук». Вып. 64, геологическая серия (№ 17). М., 1948, стр. 203.

⁸⁸ В аспирантские годы были опубликованы и первые теоретические работы А. Я. Брюсова (1926, 1928б).

к попыткам решить или, вернее, сделать более или менее верные по моему мнению предположения относительно ряда общих вопросов археологии. [Здесь вдруг начинается первый экземпляр машинописи. Видимо, автор сначала допечатал до этого места страницы и отдал кому-то первый экземпляр на ознакомление, а затем продолжил печатать дальше, продолжая оставшийся у себя второй (или третий, четвертый) экземпляр текста]. В числе этих вопросов был один, давно занимавший меня. Руководя отделом каменного и бронзового века [так в тексте] Государственного исторического музея, я несколько раз предлагал вновь поступавшим сотрудникам этого отдела взяться за этот вопрос и сделать его темой кандидатской диссертации. Но никто не соглашался. Вопрос же заключается в проблеме так называемых каменных сверлёных боевых топоров. Топоры эти в огром [л. 45⁸⁹, с. 60] ном количестве находят в Восточной и Средней Европе, в СССР (кроме крайнего севера), в Финляндии, в Чехословакии, в Швейцарии и даже в Польше, в Швеции, в Дании, несколько экземпляров было найдено в Трое и материковой Греции. Конечно [,] речь шла только о тех из них, что были найдены на территории СССР. Надо было собрать материал, анализировать его и, как я в начале [так в тексте] предполагал выяснить, относятся ли все эти топоры, как предполагалось [,] к так называемой Фатьяновской культуре или к нескольким культурам [,] и каким.

Но жалающих [так в тексте] заняться этой работой я не нашёл. Между тем на Западе стали появляться одна за другой аналогичные работы, нередко в виде докторских диссертаций. Тогда я решил сам заняться этой темой⁹⁰.

Не буду описывать годы этой работы. Скажу только, что она меня увлекла целиком и дала совершенно новое представление о конечном периоде неолитической эпохи, эпохе бурных событий в связи с занятиями скотоводством. Мне стало ясно, что пастушеские народы (а они появляются именно в это время, в 4–3 тысячелетиях до н. э.) впервые начинают захватнические войны, стремясь приобрести необходимые им пастбища для своих стад, и благодаря этому совершают такие далёкие переходы и переселения, те самые переходы, которые дали повод для пресловутой теории миграций. Интересно, что исторические книги Библии чётко отражают этот период в жизни еврейского народа и дают яркие представления о характере таких странствий.

Таким образом [,] возник мой интерес к попыткам на основании археологических фактов выяснить генезис современных народов, интерес к этнической истории человечества, к темам [,] которыми я сейчас занимаюсь.

Таков вкратце описанный мой извилистый путь по тропам археологии. Я уверен, что нащупанная мною в конце этого пути дорога может вывести меня к тому, к чему я стремлюсь — уяснению путей человечества в древности.

⁸⁹ На обороте л. 44 напечатано: «В эвакуации. Янтарная комната». Похоже на заголовок ненаписанной части воспоминаний.

⁹⁰ Итогом этой работы стала известная монография о каменных сверлёных топорах Русской равнины (Брюсов, Зимина 1966) и статья об экспансии «культур с боевыми топорами» (Брюсов 1961а).

Послесловие составителей

Александр Яковлевич Брюсов обычно упоминается во всевозможных сводках по истории советской археологии 1920–1950-х гг. как ведущий в ту пору специалист по неолиту Русского Севера, один из самых способных учеников В. А. Городцова, яркий представитель первого поколения советских археологов. Однако библиография работ о нем невелика. Это очерки и некролог В. М. Раушенбах (1965, 1967, 1985), справочные статьи (Гуляев 2001: 60–62; Кузьминых 2006) и воспоминания А. М. Линевского (1967). В 1985 г. отмечалось 100-летие со дня рождения А. Я. Брюсова. Тогда на Проблемном совете отдела археологии ГИМ с докладами выступили В. М. Раушенбах («Жизнь и деятельность А. Я. Брюсова»), С. В. Ошибкина («Научные концепции А. Я. Брюсова и современная археология»), А. Б. Закс («А. Я. Брюсов — экспозиционер»), М. П. Зими́на («Последние экспедиции А. Я. Брюсова»), Т. Б. Попова («Несколько писем А. Я. Брюсова В. А. Городцову»); воспоминаниями о совместной работе с Брюсовым поделились Н. Я. Мерперт, Б. Г. Тихонов и С. А. Янина (Введение 1990: 3). К сожалению, лишь Раушенбах (1985) и Ошибкина (1990) опубликовали тексты своих выступлений. 125-летний юбилей Брюсова отмечен научно-популярной статьей С. В. Ошибкиной (2010). На эти последние статьи мы обратим особое внимание, чтобы помочь читателю брюсовских «Троп археологии» лучше понять характер автора и степень информативности, достоверности его воспоминаний.

В. М. Раушенбах и С. В. Ошибкина — брюсовские ученики разных поколений, но в оценке жизненного пути и научных концепций учителя они солидарны. Отмечается, что через все творчество А. Я. Брюсова проходит несколько главных тем — от социологического очерка об истории жилища (Брюсов 1926) до свода о каменных сверленных топорах начала бронзового века на территории Русской равнины (Брюсов, Зими́на 1966). С самого начала его научной деятельности конкретно-археологические исследования шли параллельно с теоретическими. Но с рубежа 1940–1950-х гг. труды в области теории, методики и методологии археологии становятся для него базовыми (Брюсов 1953а, 1953б, 1956а, 1956б, 1957а, 1957б, 1958, 1961а, 1965; и др.). Подчеркивается, что Брюсову «никогда не было свойственно чистое вещеведение, наоборот, для него характерен широкий размах исторических обобщений, исходящих из глубокого знания истории и теории марксизма» (Раушенбах 1965: 81). И Раушенбах, и Ошибкина стремятся показать непогрешимость основных научных концепций и идей Александра Яковлевича. При этом они вынуждены признать, что некоторые идеи учителя (о возникновении земледелия или разведении культурного льна на Севере в эпоху неолита, о распространении отдельных вещей, о способах домостроительства и др.) «не подтвердились фактами и забыты» (Ошибкина 1990: 9). Но в целом ученики Брюсова считают, что его работы придали импульс разработке в отечественной археологии целого ряда исследовательских направлений, что концепции и идеи их учителя сохраняют свое значение и в современной науке.

Совершенно иную оценку А. Я. Брюсова как ученого и человека дают откровенные характеристики А. А. Формозова. Они могут показаться слишком резкими,

хотя автор их аргументирует. Опять же с чьей-то точки зрения покажется, что похвал ветерану советской археологии его младший коллега высказывает недостаточно. Чтобы понять, справедлив ли был в своих оценках Формозов, нам придется привести обширные цитаты из его работ.

Всеми признаётся, что как археолог-полевик, разведчик, раскопщик, отчасти и камеральщик, Брюсов сделал много. По сути он стал основоположником изучения неолита на территории Европейской России (как Б. Э. Петри — в ее азиатской части). Но вот исторические выводы Александра Яковлевича подвергались критике коллегами — и самой резкой со стороны Формозова. Показательным вышло сравнение характеров и деятельности Брюсова и его ближайшей сотрудницы — Марии Евгеньевны Фосс. Заниматься неолитом Русского Севера обоим своим ученикам направил В. А. Городцов. «Двум ученикам Городцова суждено было пройти жизнь рядом, работая в одних и тех же учреждениях по весьма близкой тематике. Почему Городцов... согласился на такое “дублирование”? Возможно, в какой-то мере он посчитался с личными интересами своих учеников, но, думается, в первую очередь полагал, что будет лучше, если они смогут как-то дополнять, уравнивать и корректировать достоинства и недостатки друг друга...

По сравнению с Фосс Брюсов обладал рядом бесспорных преимуществ. Он был старше её на 14 лет и сел на студенческую скамью зрелым человеком с большим жизненным опытом... Он знал иностранные языки и... следил за зарубежной литературой по археологии⁹¹...

Если Мария Евгеньевна работала в поле только в лесной зоне Европейской России⁹² и изучала только стоянки с каменными орудиями, то Александр Яковлевич вёл раскопки и в Карелии, и на Вологодчине, и в Крыму (Чалки), и на Урале (Горбуновский торфяник), затрагивал памятники разных эпох (селище XVII в. Верхняя Лопшенга, золоторазработки XVIII в. в Карелии).

Все это предопределило то, что и при создании экспозиции Исторического музея, и при редактировании сборника статей его сотрудников, и во многих других случаях Брюсов играл главную роль, и работа велась в соответствии с его взглядами.

Но была в Александре Яковлевиче некоторая ненадёжность. Видимо, художественная сторона его натуры порой брала верх над стороной строго научной. Все археологи знали слова, сказанные о нём его братом — поэтом Валерием Брюсовым. В дни революции 1905 г. он записал в своём дневнике: «Мой брат делал вид, что он всё знает, со всеми в сношениях, но все известия его

⁹¹ В архиве А. Я. Брюсова имеется папка с библиографическими записями разных лет: ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 3. Д. 27. 16 л. В ней отмечено 189 изданий 1910–1960-х годов, преимущественно на немецком, французском, английском языках. В период «железного занавеса» этот археолог был в числе тех немногих советских археологов, которые довольно систематически следили за новинками мировой литературы по своей специальности.

⁹² А. А. Формозов упустил из виду, что в середине 1930-х и в 1950-е годы М. Е. Фосс активно исследовала памятники эпох неолита и бронзы в лесостепных районах Русской равнины. Возглавляемая ею Лесостепная экспедиция ИИМК АН СССР работала в Брянской, Белгородской, Курской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской и Пензенской областях; см. полевые материалы в ее архиве в ОПИ ГИМ: Якушкина 2010.

оказывались вздором»⁹³. То, что говорил Александр Яковлевич в своих докладах, и даже то, что он отдавал в печать, всегда надо было проверять и, увы, нередко, что-то «оказывалось вздором». Мария Евгеньевна была эталоном надёжности и, если она что-то говорила, то так оно и было.

...Брюсов ещё в аспирантские годы стал штудировать марксистскую литературу и выдавал себя за учёного, интерпретирующего археологический материал в свете марксизма-ленинизма. В 1953 г. в возрасте 68 лет он вступил в ряды КПСС. Марии Евгеньевне такая политизация науки была чужда.

...Раскопки вели и А. Я. Брюсов, и М. Е. Фосс, но первый свои материалы в научный оборот в сущности так и не ввёл. Его сообщения содержали очень небольшое число рисунков, весьма схематичных и плохо понятных, и суммарное описание каменных орудий и керамики. Это касается даже таких первоклассных памятников, как Модлона и Горбуновский торфяник.

В противоположность ему статьи Фосс о её раскопках в Веретье, Кубенине и т. д. всегда очень содержательны и хорошо иллюстрированы. Перед нами не схемы, а точные изображения древних вещей, графические или фотографические... Мария Евгеньевна говорила... только о тех материалах, которые сама держала в руках... Брюсов же написал «Историю древней Карелии» (1940), не учитывая колоссальные собрания ленинградских музеев, и «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (1952), даже не съездив на Украину. Для археологов-профессионалов Фосс была предпочтительнее. Брюсов же больше импонировал не специалистам, а широкой аудитории...

Понимание того, что малые единицы — археологические культуры — должны объединяться в более крупные группы, подобно тому, как виды животных и растений входят в роды, семейства, классы, было чуждо А. Я. Брюсову. Для него все подразделения были равноправны, а не включались в некую иерархическую систему.

А вот М. Е. Фосс в ходе своей работы это поняла и тем самым внесла в хаос материала определенный порядок.

Поэтому дальнейшее изучение северного неолита пошло скорее по путям, намеченным М. Е. Фосс, чем по интересным для своего времени, но всё же очень уязвимым разработкам А. Я. Брюсова» (Формозов 2006: 219–228).

А в предназначенных для посмертной публикации воспоминаниях А. А. Формозов отозвался о старшем коллеге еще резче. Для С. В. Ошибкиной (2010: 74, 77) ее учитель — «крупнейший специалист в области археологии и истории», «человек с редким достоинством и чувством юмора», «истинный интеллигент». В глазах Формозова его старший коллега «был патологическим лжецом, причём врал с единственной целью — показать значительность собственной персоны... Он прошёл ту же дорогу, что и все московские археологи. Сначала школа Городцова и семинар Фриче, первые опыты в марксистском духе. В тридцатых

⁹³ См.: Брюсов 1927: 137. То, что приводимый А. А. Формозовым отзыв не случайность, доказывают и другие высказывания Валерия Брюсова. Так, в письме З. Н. Гиппиус от 27.12.1906 он пишет: «Был ли у вас мой брат на пути в Америку? И юноша Гумилёв? Первого не рекомендую, второго да». А в 1908 г. в письме к Н. И. Петровской сравнивает стихи брата с первым сборником В. Ф. Ходасевича: «Не такая пустота, как стишки Alexander'a» (Цит. по: Богомолов 1996: 9).

годах — отречение от “буржуазного ученого Городцова”⁹⁴ (ученики выгнали его тогда из Исторического музея)⁹⁵, статья под названием “Кризис буржуазной науки и поиски новых путей вслепую”⁹⁶. Параллельно — экспедиции. Брюсов работал в Карелии и Вологодской области и раскопал около десяти неолитических стоянок⁹⁷. Ни одного изученного им памятника за всю жизнь толком не издал, ограничиваясь невнятными информациями и социологическим пусто-словием. Ими в основном заполнена и его книга 1940 года “История древней Карелии”, защищённая как докторская диссертация.

В ученых трудах видно то же желание поразить, удивить, сказать обо всём иначе, чем у предшественников. Принято, например, что в неолите Севера не было земледелия. Ан нет, было, — утверждает Брюсов. Вообще-то, почему бы и не обсудить такую возможность. Но наш герой ничего обсуждать не собирается. Он просто насаживает на деревянную модель плуга каменный топор вместо лемеха и выставляет это сооружение в витрине Исторического музея⁹⁸.

Так и выглядел Брюсов чем-то полуанекдотическим, пока центр Института не был перенесён в Москву. Отношения между ленинградцами и москвичами обострились, и дирекции понадобились свои московские теоретики во всех областях археологии. Лидером в изучении каменного века в противовес Ефименко объявили Брюсова. В день похорон Сталина шестидесяти восьми лет он вступил в партию, в 1952 году выпустил претендующие на большие обобщения “Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху”. Его командировали для налаживания культурных связей в Данию, Финляндию, Австрию, Германию, назначили председателем полевого комитета, заместителем редактора журнала⁹⁹. Теперь он прославлял великого русского учёного

⁹⁴ См.: Арциховский и др. 1932; Брюсов 1932.

⁹⁵ Это утверждение, мягко говоря, не соответствует действительности; см.: Белозёрова и др. 2011: 500.

⁹⁶ См.: Брюсов 1935.

⁹⁷ Стоит отметить, что для многих пунктов разведки и раскопки А. Я. Брюсова и его команды оказались спасательными. По побережью Белого моря в дальнейшем выросло немало объектов, военных и гражданских. Так, в Нёноксе, где тоже работали брюсовцы, теперь база подводного флота.

⁹⁸ Против «сланцевых наральников» А. Я. Брюсову возражали еще по ходу его кандидатской защиты (см. выдержки из ее протокола выше). К возражениям А. В. Арциховского и других коллег диссертант не прислушался. В итоге в начале 1930-х годов, когда в новой экспозиции ГИМа была выставлена модель неолитического плуга с подобным каменным сошником, это свидетельство плужного земледелия у насельников севера Восточной Европы было попросту высмеяно (Кричевский 1931: 66; Равдоникас 1931: 30, 31).

⁹⁹ В архиве А. Я. Брюсова сохранились его внутриредакционные отзывы на поступавшие в журнал статьи. Эти отзывы все положительные, т. е. статьи к печати рекомендуются, хотя по большинству из них сделаны весьма серьезные замечания. Вот, например, отзыв на рукопись А. А. Формозова «К вопросу о величине дородовых и родовых групп палеолитического человека»: «Эта небольшая статья содержит ряд соображений о численности человеческих групп в первобытном обществе. Общим выводом её является широко распространённое мнение об относительной оседлости и большой численности человеческих групп в палеолите в связи с приёмами массовой большой охоты и об уменьшении численности этих групп в неолите с переходом к индивидуальной охоте на “мелких” животных. Нового, сравнительно с известным ранее, она добавляет мало, но может быть помещена в печати...» (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 3. Д. 23. Краткие рецензии на статьи Г. В. Трухина,

Городцова¹⁰⁰, хвастал своей закадычной дружбой с Кларком, Глобом, Беккером и изображал из себя настоящего европейца в нашей провинциальной среде. ...Отсутствие всякого смущения было чрезвычайно характерно для Брюсова. С важностью вещал он, что там-то найдено то-то. Это выдумка, и я, дерзкий и непочтительный юнец, его опровергаю. Все вынуждены согласиться. Но Брюсов спокойно публикует тот же текст где-нибудь в Мексике...

Всё же нужно признать и одну заслугу покойного. В те годы, когда теоретики ГАИМКа, насаждая стадильную схему, отменили локальные варианты в культуре каменного века, и Ефименко принял эту нелепую догму, Брюсов нашёл в себе мужество отстаивать истину. В «Сообщениях ГАИМК» Быковский обвинил его не много ни мало, как в пособничестве панфинистам и фашистам¹⁰¹. Шутить с этим в тридцатых годах не приходилось. Тем не менее Брюсов не капитулировал. Археологические культуры он выделял без серьёзных оснований, везде и всюду пел дифирамбы Сталину, не стеснялся обличать в антимарксизме Равдоникаса или Пассек¹⁰², но так или иначе именно он в крайне неблагоприятных условиях продолжал важную линию исследований. Благодаря ему М. Е. Фосс и О. А. Граковой в сороковых и пятидесятых годах быстрее и легче удалось оживить интерес к этой проблематике, археологам младшего поколения — далеко опередить самого Брюсова. Скажем же ему спасибо» (Формозов 2011: 156–158).

Публикуемые нами воспоминания советского археолога старшего поколения во многом подтверждают сказанное А. А. Формозовым. В то же время необходимо признать, что за общей негативной оценкой Брюсова как человека и ученого из поля зрения Формозова ускользнули некоторые другие (кроме идеи о локальных вариантах в культуре северного неолита) заслуги Александра Яковлевича — и прежде всего ряд его теоретико-методологических разработок, которые плодотворно сказались на развитии в нашей археологии важнейших исследовательских направлений. Вполне возможно, что как полевик и публикатор он уступал многим своим современникам, в том числе однокашникам «тотемистам» из 1-го МГУ. Но при этом важно помнить, что Брюсов был в числе тех учеников В. А. Городцова 1920-х гг. (А. В. Арциховский, С. В. Киселёв,

М. Р. Полесских, Х. А. Моора, Р. Куликаускене, А. А. Формозова, А. Н. Рогачёва, А. П. Черныш. 1950-е гг. Л. 2).

¹⁰⁰ А. А. Формозов несправедлив в своей оценке. Он вспоминает о тексте воспоминаний А. Я. Брюсова (1960) в связи со 100-летием со дня рождения В. А. Городцова. Текст этот совершенно далек от восхваления и прославления учителя. Напомним, что в том же 1960 г. на юбилей Городцова откликнулись и другие его ученики — Д. А. Крайнов, В. П. Левашева и Н. В. Трубникова.

¹⁰¹ Полемика начала 1930-х гг. порою действительно велась с навешиванием подобного рода ярлыков, но все-таки, если быть точным, С. Н. Быковский называл фашистской финскую археологию, этнологию и лингвистику по «финскому вопросу» и писал также, что на службу к международному империализму «попадают <...> археологические изыскания и опыты Ю. Готье, В. А. Городцова и более молодых их последователей, подобно А. Я. Брюсову», переведенные на язык великодержавного панфиннизма (Быковский 1932: 8).

¹⁰² Справедливости ради следует заметить, что и сам Брюсов был под жесточайшим огнем критики своих коллег, особенно ленинградских; см.: Быковский 1931: 20, 21, 1932: 6–8; Кричевский 1931: 62–71; Мещанинов 1931: 39; Равдоникас 1931: 6–8, 15, 16, 29–31; 1932: 49, 60; Шмидт 1932а: 13, 1932б: 37.

А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и др.), кто в непростые 1930-е и в 1940-е годы сохранил не только верность городцовскому типологическому методу в археологических исследованиях (Платонова 2010: 214), но и продолжил в рамках марксистской социологии (как это представлялось ученикам Городцова) методологические поиски в продолжение «законов развития и соотношений археологических явлений», предложенных их учителем в 20-е годы. Таким представлялся Брюсову и его собратьям «тотемистам» путь развития «марксистской археологии». В числе этих опытов небольшая книжка об истории типов жилищ и их эволюции под влиянием социально-экономического фактора (Брюсов 1926) и статья о реконструкции общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа (Брюсов 1928б). Как и труды других «тотемистов», брюсовские методические поиски стали логическим продолжением работы в студенческих и аспирантских семинарах В. А. Городцова и В. М. Фриче). Опубликованные еще до перевода отечественной археологии на «марксистские рельсы» на рубеже 20–30-х годов, пройдя через забвение в период доминирования в ней «нового учения о языке», эти работы Брюсова оказались востребованными в советской археологии в 50–60-е годы и способствовали возрождению в ней методологических исследований.

В конце 50-х А. Я. Брюсов на страницах журнала «Советская археология» возобновил прерванную в 30-е годы дискуссию по индоевропейской проблеме. Его статьи (Брюсов 1958; 1961а) и монография о каменных сверлених топорах Восточной Европы (Брюсов, Зимина 1966) вызвали немалый отклик в советской и зарубежной литературе. Говоря об экспансии «культур с боевыми топорами» в III тыс. до н. э., Брюсов отмечает, что это тысячелетие «можно по справедливости назвать временем первого великого переселения народов» (1961а: 14) — и с этим мало кто из его коллег спорит. Диспут идет о локализации исходной области племен с боевыми (сверленими) топорами, импульсах, приведших к их миграции, путях их ближних и дальних передвижений, этнической принадлежности этих популяций. Не вдаваясь в детали полемики (это требует особого обзора), отметим, что по большинству базовых вопросов Брюсов не получил поддержки коллег. Справедливой оказалась и критика его типологии каменных сверлених топоров (Клейн 1991: 30–32). Обратившиеся впоследствии к классификации этих орудий фатьяновско-балановского мира Д. А. Крайнов, О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, О. С. Гадзяцкая, В. В. Ставицкий, Б. С. Соловьев использовали труд Брюсова — Зиминной лишь как свод материала, но не в качестве методической опоры. Но для дальнейшего исследования индоевропейской проблемы, включая и вопрос об экспансии «культур с боевыми топорами», важны не столько ошибки или заблуждения Александра Яковлевича¹⁰³. Гораздо важнее сам тот импульс, который он придал этой дискуссии.

Вернемся к анализу научных концепций А. Я. Брюсова и рассказу о его жизненном и творческом пути С. В. Ошибкиной (1990, 2010). Светлана Викторовна

¹⁰³ Автор и сам создавал, что при попытке разрешения этих сложных вопросов «всегда возможны ошибки, пробелы и другие варианты ответа по частным вопросам этой проблемы. Моей целью было только набросать общую картину с привлечением материала, накопленного археологией, наметить направление дальнейших исследований и высказать свою точку зрения по данной проблеме» (Брюсов 1961а: 33).

поясняет, что биографический очерк составила «по собственным записям» Брюсова 1940-х годов. Уже отсюда ясно, что никаких поправок, законных вопросов к брюсовской версии его жизни и деятельности ждать не приходится. Так, она глухо упоминает о том, что студенческие волнения 1905 г. заставили Александра Яковлевича оставить учебу в Московском университете. О баррикадной борьбе, подпольной деятельности на стороне большевиков, живописуемой пожилым археологом в упомянутых автобиографических записях, Ошибкина благоразумно не упоминает. Похоже, что революционные события послужили для Брюсова скорее поводом, чем причиной ухода из университета. Про преследования властей в отношении себя лично он не упоминает.

Мемуарист знал повседневность многих стран мира¹⁰⁴, вырос и жил в императорской России. Тем не менее, он говорит о «бытовой обстановке советского человека» в восторженных тонах. Такое лукавство, вероятно, шло от надежды увидеть свои воспоминания в печати. Не случайно же он печатал их на пишущей машинке, а не писал от руки. Между прочим, одной из причин ликвидации краеведческих организаций в советской России были проводимые ими социально-экономические анкеты — они показывали резкое снижение уровня жизни, ухудшение рациона питания крестьян и горожан после «великого перелома» к социализму.

Автору воспоминаний явно не чуждо тщеславие, желание поразить слушателя своими способностями и достижениями. Свою книгу он называет «мой труд».

В своем научном росте А. Я. Брюсов выделяет три этапа. Первый — многолетние разведки и раскопки на севере и северо-западе Европейской России. При обработке и публикации их результатов он перешел на второй уровень — «к некоторым историческим выводам о порядке заселения человеком этой области, сложения там древних племён, их взаимоотношениях между собой и с более отдалёнными племенами, отчасти об их исторических судьбах». А эта работа увлекла его на третий уровень — «в область теоретических вопросов археологии». Внимание мемуариста распределяется обратно пропорционально этому перечню: о найденных и раскопанных памятниках почти ничего, кроме отдельных названий, не сказано; об исторической интерпретации накопленного раскопного и разведочного материала сказано самую малость — приведены некоторые окончательные выводы; а вот основное внимание — разным

¹⁰⁴ Показательно одно из его неопубликованных стихотворений:

«Вам не понять, как может целый мир мне
Так близким быть — и Тихий океан,
Рим и Париж, кварталы старой Смирны,
Все города и сёла сотен стран,
Собор Петра и цитадель Копра.
Всё, всё родным и близким может быть.
Я их люблю и не могу [забыть?].
И я могу быть гражданином мира,
Но Родину не меньше Вас любить!».

ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 29. Л. 61. Тас-Копру (Турция) — каменный арочный мост через р. Сейхан, построенный при императоре Адриане.

курьезам, бытовым и собственно археологическим, случавшимся в экспедициях. И в своих воспоминаниях ветеран археологии проявляет себя увлеченным рассказчиком, цель которого — удивить слушателей.

Что касается «теоретических вопросов археологии», то они в мемуарах фактически обойдены и выглядят по большей части как собрание анекдотов, многие из которых подозрительно фантастичны.

Эпизод с «самым древним в мире колодцем», который якобы открыл Александр Яковлевич, напоминает момент одного из рассказов Эрнеста Сетона-Томсона¹⁰⁵. У того «маленькие дикари» делают в трудной ситуации «индейский колодец» почти так же, как описано маститым археологом.

«Как-то Калев сказал:

— Вы не должны пить воду из этой речки — в ней слишком много всякой живности.

— А что пить? — спросил Сэм.

— Что ж нам делать, мистер Калев? — вставил Ян, знавший, что старик не будет разговаривать ни с кем из Рафтенгов.

— Вырыйте колодец!

— Вот еще! Делать нам нечего! — фыркнул Дятел.

— Вырыйте индейский колодец, — пояснил Калев, — через полчаса он у вас будет готов. Давайте я покажу.

Он взял лопату и, найдя сухое местечко в двадцати шагах от верхней части запруды, стал копать. Уже на глубине трех футов показалась вода. Когда Калев дошёл до четырех футов, вода стала бить с такой силой, что он бросил рыть. Калев взял ковш и вычерпал всю грязную воду, потом, дав яме наполниться, снова всю её вычерпал.

— Вот, — сказал Калев, — это вода из вашей запруды, только она прошла через двадцать футов песка и земли, теперь её можно пить. Это и есть индейский колодец» (Сетон-Томсон 1988: 136).

Книжки Сетона-Томсона рано начали переводить и издавать в России, они пользовались большой популярностью, и Брюсов-младший по всей вероятности их читал в детстве или юности. Запомнить сюжет с колодцем ему было тем легче, что писатель открывает повесть таким эпиграфом: «Изведав мучения жадны, я попробовал вырыть колодец, чтобы из него черпали и другие».

Стадиально близкий пример прибрежного колодца у поморов мог оживить литературный сюжет в памяти начитанного археолога и побудить перенести вопрос об источниках чистой воды в условия каменного века. Конечно, нельзя утверждать категорически, что все тут полная выдумка. Но и верить автору без фотографий его «неолитического водопровода» вряд ли можно.

Сцена с убийством одного колдуна другим напоминает летописный сюжет о языческом волхве, который возмутил новгородцев. Имеется в виду эпизод за 1071 г. из «Повести временных лет»: «...Волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: “Предвижу всё...”. И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: “Кто хочет верить волхву, пусть идёт за ним, кто же верует

¹⁰⁵ Этот и следующий летописный источники подсказаны А. С. Щавелёвым.

в Бога, пусть ко кресту идёт”. И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошёл к волхву и спросил: “Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?” Тот ответил: “Знаю всё”. И сказал Глеб: “А знаешь ли, что будет с тобой сегодня?” — “Чудеса великие сотворю”, — сказал [тот]. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мёртв, и люди разошлись» (Повесть временных лет 2007: 78).

С. В. Ошибкина добросовестно отмечает, что Александр Яковлевич был задлым рассказчиком и шутником: «Разных историй была масса... Удивительные истории вспоминаются без всякого порядка... Больше всего говорили о жизни, меньше — про науку» (2010: 77). В правдивости этих историй она сомневается, но допускает, что иные из них были правдивыми. «Например, о трех медведях, выпрыгнувших один за другим из одной берлоги»; о пойманной щуке невероятной величины, седой (?) от старости, и т. п.

В личном архивном фонде А. Я. Брюсова содержится еще несколько автобиографических документов, по сравнению с воспоминаниями отрывочных. Так, попав в 1963 г. в санаторий Джермук и тяготясь там скучным и скудным бытом, старый археолог затеял писать «Автобиографическую повесть» (как называли эту тетрадь в коленкоровом переплете архивисты при описании его фонда) (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 26. Биографическая повесть. [1963 г.] 25 л.). Исписав карандашом и чернилами бисерным почерком 25 страниц этой тетради, автор не вышел из воспоминаний детства, отрочества и юности в родном московском доме. Замысел повести экстравагантен: автор («Ал.») воображает, что живет повторно. Пытается вспоминать «первую жизнь» и думает, менять ли свое поведение с ее учетом. Иногда это ему удается, иногда нет. «Но чем дальше, тем больше он убеждался, что ход истории неизменен. События повторялись».

Выделяется образ старшего брата, который за семейными чаепитиями предсказывал бурное развитие техники. Отец его высмеивал за фантазерство, а Валерий оказался «непонятым пророком будущего». Удивляет список его предсказаний, припомненных и записанных младшим братом спустя лет 70. В списке до сотни открытий: от керосиновой лампы «Молния», лампы накаливания — до атомной бомбы, водородной бомбы, авторучки, хоккея и т. д. Получается не поэт-символист В. Я. Брюсов, а наш русский Жюль Верн или Леонардо.

Не мог «Ал.» обойти в повести о своей жизни своих революционных заслуг. Студентом, переехав из родного дома на отдельную квартиру и «пользуясь знакомством с некоторыми из своих товарищей, имевших связи с с.д., он организовал в своей новой квартире партийную явку и принял на хранение некоторые партийные документы». Участвовал в диспутах социал-демократов и эсеров, проходивших под видом научных собраний. Впрочем, дальше отрывков и нескольких повторов зачина «санаторная повесть» у автора не пошла.

Более информативны его автобиографические записи о Великой Отечественной войне (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 1. Д. 13. Автобиографические записи времён Великой Отечественной войны. 1950-е гг. 4 л.). Они написаны поближе к событиям, автор помоложе, и на четырех страницах ярко запечатлелась его эпопея с эвакуацией неподъемных музейных и библиотечных фондов далеко

на восток «в конце осени 1941 г.». Кроме сокровищ ГИМа, к их эшелону прибилося два вагона музейных ценностей из Великого Новгорода¹⁰⁶. Конечный пункт путешествия — город Кустанай в Казахстане. Преодолев ряд опасностей, трудностей, «заместитель начальника хранилища № 1 по научной работе» А. Я. Брюсов с женой Серафимой Семёновной и «маленьким сыном Борисом» вернулся в Москву только в 1943 г. Для человека, прошедшего в свое время фронт и плен, испытание эвакуацией с ее голодом, холодом и попытками немецких диверсантов (?) разграбить музейное добро было нелегким, и он его с честью выдержал. Его «Странички из времени Отечественной войны с фашизмом» сегодня читаются с интересом. А отчет и воспоминания о поисках знаменитой «Янтарной комнаты» до сих пор остаются отправной точкой для той части интернет-сообщества, которая не теряет надежды найти уникальный памятник нашей старины.

Похожий стиль рассказа и в его «Тропах археологии» — сказовый, с интонациями устного повествования, с элементами диалога с воображаемыми слушателями. Встречаются обороты вроде: «Вы спросите меня — так на это я вам отвечу» и т. п.

Критикуя некоторые этнографические параллели в трудах своих коллег («некоторых советских и зарубежных археологов»), Брюсов перемешивает фамилии советских (Н. Н. Гурина, П. П. Ефименко) и «буржуазных учёных» («буржуазный “учёный” Ф. Гидден»). В зрелом СССР такое сближение пахивало доносом¹⁰⁷.

Неоднократные экскурсии мемуариста в этнографию производят двойственное впечатление. С одной стороны, его рассказы о нравах поморов столетней сейчас уже давности любопытны. С другой, трудно разделить прямые параллели этих обычаев с «неолитом или даже мезолитом» — дескать, туда уходят обычаи гостеприимства, счёта родства и т. п. Достаточно сказать, что представление о безусловно родовом строе общества в каменном веке современной этнологией пересматривается. Родовые структуры тогда, судя как раз по позднейшим параллелям традиционных и архаичных социумов, были вторичны по сравнению с общинными (Кабо 2008: 252).

А. Я. Брюсову явно не хотелось ограничивать свою научную репутацию, свой вклад в археологию длительными и масштабными раскопками, музейной обработкой находок и их публикацией. Он желал большего — внести личный вклад в теорию археологии, в решение неясных вопросов истории человечества с древнейших времен. В этом последнем отношении им выделяется понятие

¹⁰⁶ «...К нашему эшелону прибавилось еще два вагона с ценностями Новгородского музея. Они уже много дней блуждали по разным железным дорогам. Сопровождающего при них не было. Выяснилось (?), что когда немцы входили в Новгород, один из сотрудников Новгородского музея, фамилии которого не удалось узнать, стал грузить с помощью железнодорожников эти ценности, стараясь во что бы то ни стало вывезти их из Новгорода. В числе их находились также снятые с петель знаменитые “сигтунские” и “корсунские” двери. Первые, по преданию, были захвачены новгородцами во время набега в 1187 г. на шведскую столицу Сигтуну и вывезены в Новгород. Эти ворота доставили нам колоссальные трудности. Их надо было, не имея для этого никаких приспособлений, стащить на руках с платформы, погрузить на машину, сгрузить с нее и перенести через двор в сарай. А каждая створка ворот весила около тонны» (Л. 4).

¹⁰⁷ См. новейшую работу на сей счет: Нерар 2011.

«быта» как «укоренившихся правил поведения» наших предков. Как известно, бытовая археология процветала на дореволюционном этапе своего развития в нашей стране.

В составе «быта» Брюсов делает акцент не на вещественной, технической, а на психологической его стороне. Той, что сейчас именуют менталитетом («настроем души» народа, по разъяснению Формозова). В условиях того безудержного социологизаторства, которое процветало в СССР при преподавании гуманитарных дисциплин, начиная с истории и археологии, брюсовские призывы вернуть внимание исследователей и учащихся к «быту» прошлых эпох выглядят полезными. Другое дело, что этот призыв легче высказать, чем исполнить. Тем более, отвергая построения этнографов, как это делает в своих воспоминаниях А. Я. Брюсов.

Сомневаясь в возможностях этнографических параллелей археологическим находкам (дескать, за сотни тысяч лет образ жизни слишком изменился даже у отсталых народов вроде австралийских аборигенов), Брюсов сам же сравнивает свой «неолитический водопровод» с поморским колодцем, который он сам наблюдал в экспедиции на берегу Белого моря.

Прочитав рукопись, нужно признать, что автор писал в ней только то, что можно было написать в тот — послесталинский — период. Критикуя развенчанного Марра, обвиняя ленинградских коллег, Александр Яковлевич ни словом не поминает запрещенных советской цензурой сюжетов.

Конечно, сейчас легко требовать от нашего предшественника откровенности, в его время опасной, даже самоубийственной. Но эта его рукопись слишком уж осторожна, заранее рассчитана на прижизненную публикацию. Честолюбие у автора явно превосходит правдивость.

Как ни странно для брата большого русского поэта, для человека, тесно общавшегося с В. Ф. Ходасевичем и другими литераторами и не раз пробовавшего перо в беллетристическом и автобиографическом жанрах, тексты А. Я. Брюсова изобилуют такими погрешностями стиля, которые К. И. Чуковский метко и емко назвал «канцеляритом». Излюбленный оборот речи автора воспоминаний — «был», «было» и т. д., местами десятками раз на странице. Даже так: «...Его рекомендации где бы то ни было было достаточно...». Более того, в тексте воспоминаний встречаются ошибки, присущие неграмотным писцам. Скажем, перед «как» всякий раз ставится запятая, даже тогда, когда она не нужна (при определении «в качестве чего?»). Например: «археология, как наука» и многократно в том же роде. Напротив, много необходимых запятых не поставлено. К примеру: «более того делались попытки...»; «наконец по предложению...». Вместо «посвящал время» мемуарист пишет «посвещал». И т. д., и т. п.

Как видно по воспоминаниям самого Брюсова и по свидетельствам его современников, жизнь Александра Яковлевича была богата драматическими событиями и резкими поворотами судьбы. При всех возможных претензиях к характеру и стилю работы ветерана русской науки и культуры надо отдать должное его жизненной стойкости. Пытался работать и общаться с коллегами он до самого конца.

Тяжелая болезнь сосудов — эндартериит — выбила ученого из рабочей колеи. Концовку его жизни А. А. Формозов обрисовал в предельно мрачных тонах: «Конец его был жалок. Ему отняли ногу, и он несколько лет сидел дома,

изнывая от скуки. Пасынок потихоньку распродал его библиотеку. Никто не хотел навестить больного. Сразу после смерти и он, и его сочинения были забыты» (2011: 158).

Ясно, что на самой старости лет А. Я. Брюсову пришлось нелегко. Такой штрих: некоторые из его архивированных рукописей написаны все более водянистыми синими чернилами: как видно, не всегда удавалось вовремя пополнить запас чернил, и прикованному к столу автору приходилось разбавлять их водой... в результате отдельные записи испарились со временем. Но психологические краски применительно к жизненному финалу его оппонентом, пожалуй, сгущены. В штате Института археологии его держали до последней возможности (на должности заведующего Отделом полевых исследований). Об этом свидетельствует следующее письмо директора института Б. А. Рыбакова, адресованное А. Я. Брюсову, от 17.01.1966:

«Дорогой и глубокоуважаемый Александр Яковлевич!

Нашему коллективу крайне грустно расставаться с Вами. Приказ о переводе Вас на пенсию датирован 1 марта 66 г. В этом приказе, разумеется, будет выражена благодарность Вам, но эти бюрократические слова не смогут во всей полноте выразить наших чувств.

За несколько десятилетий наше поколение сроднилось с Вами, привыкло ставить Вас в пример молодёжи и постоянно ощущать Ваш творческий поиск, Ваше широко-историческое понимание археологии.

Нет сомнений в том, что Вы по мере сил будете связаны с нами и мы все со своей стороны будем помогать Вам в продолжении научных исследований.

Желаю Вам здоровья и спокойствия!

Ваш Б. Рыбаков» (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 7. Д. 28. Л. 1. На листе из личного блока Б. А. Рыбакова, листы которого отмечены грифом: «Академик Борис Александрович Рыбаков»).

С 1 марта 1966 г. Брюсов вышел на пенсию, получив формальное звание «внештатного консультанта» Института археологии.

На костылях передвигаясь по квартире, он занимался бумажной работой: разбирал архив, напечатал воспоминания (Брюсов 1965), пытался (без успеха) писать новые статьи¹⁰⁸. Кое-кто из коллег его иногда навещал.

Скончался А. Я. Брюсов 1 декабря 1966 г.

¹⁰⁸ Сохранился черновик его письма Б. А. Рыбакову за 1960-е гг.: «Дорогой Борис Александрович! Я имею наглость послать Вам одну мою статью и просить Вас прочитать её. Я сидел над этой статьёй с ранней весны, укорачивал, вставлял, изменял, переделывал. Статья, мне кажется, близка Вашим темам. В ней по преимуществу затронут вопрос о ранних славянах и ранних германцах. Последнее время меня очень занимает этот вопрос. Но не хватает литературы, в частности скандинавской: пытался достать нужные книги в Дании, но оказалось, что они давно распроданы и библиотеки могут выслать их на время библиотекам же дипломатической почтой. Так, между прочим, пока застрял у меня вопрос о «варягах». Ведь это древнескандинавское слово, означающее нечто вроде «первооткрыватель» или «разведчик». Так звалось племя, называвшееся также финнами (их соседями) «рось»» (ОР РГБ. Ф. 708. Оп. 5. Д. 18. Письмо Б. А. Рыбакову. Л. 1). В архиве А. Я. Брюсова сохранились подготовительные материалы к разработке тем о варягах, ранних славянах и германцах, которыми он увлекся в последние годы жизни; см.: Климкова 1990.

Судя по тому, что это первый экземпляр машинописи, а письмо не закончено, оно не было отправлено адресату.

Несмотря на противоречивую репутацию в глазах коллег-современников, в историографию советской археологии имя Александра Яковлевича Брюсова вошло прочно. Надеемся, что публикуемые теперь мемуары будут интересны читателям — и не только археологам.

Литература

- Алпатов В. М. 1991. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука.
- Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П. 1932. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК 1–2, 46–48.
- Бадер О. Н. 1953. Павел Алексеевич Дмитриев (1902–1943) // УЗМолотГУ IX (3), 188–190.
- Белозерова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е. 2011. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // РАЕ 1, 472–510.
- Бернгарт Э. Г. 2000. Академик Б. В. Раушенбах. М.: Общественная Академия российских немцев.
- Богомолов Н. А. 1996. Вл. Ходасевич в Московском и Петроградском литературном кругу // Вопросы литературы 4, 3–16.
- Брюсов А. Я. 1926. Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л.: Прибой.
- Брюсов А. Я. 1928а. Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря? // ТСА РАНИОН 3, 3–8.
- Брюсов А. Я. 1928б. Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Труды секции теории и методологии (социологической) РАНИОН 2, 9–34.
- Брюсов А. Я. 1932. Письмо в редакцию // СГАИМК 1–2, 76.
- Брюсов А. Я. 1934. Путеводитель по открытым залам Гос. Исторического музея. Первобытно-коммунистическое общество. М.: ГИМ.
- Брюсов А. Я. 1935. Кризис буржуазной науки и поиски новых путей вслепую (А. Бруггер) // ПИДО 9–10, 213–221.
- Брюсов А. Я. 1937. Карельские петроглифы // ВДИ 1, 169–194.
- Брюсов А. Я. 1938а. Экспозиция Отдела древнейшей истории [ГИМ] // Советский музей 3, 23–27.
- Брюсов А. Я. 1938б. [Путеводитель]. Залы I–IV. Первобытная община. М.: ГИМ.
- Брюсов А. Я. 1939. Неолит // БСЭ 41, 640–642.
- Брюсов А. Я. 1940а. История древней Карелии // ТГИМ 9.
- Брюсов А. Я. 1940б. [Путеводитель. 2-е изд.]. Залы I–IV. Первобытная община. М.: ГИМ.
- Брюсов А. Я. 1940в. Гонцовская стоянка // СА V, 88–92.
- Брюсов А. Я. 1941. Отчет о раскопках 1938–1939 гг. // ТГИМ 12, 5–20.
- Брюсов А. Я. 1947а. Доклассовое общество на территории СССР // Исторический музей. Москва. Путеводитель по залам музея. М.: ГИМ.
- Брюсов А. Я. 1947б. Сунские стоянки // Брюсов А. Я. (ред.). Археологический сборник. Петрозаводск, 41–47.
- Брюсов А. Я. 1947в. Стоянки в низовьях р. Выга, около петроглифов Бесовы Следки // Брюсов А. Я. (ред.). Археологический сборник. Петрозаводск, 48–53.
- Брюсов А. Я. 1947г. Стоянки на Машозере и озере Лососинном // Брюсов А. Я. (ред.). Археологический сборник. Петрозаводск, 35–40.

- Брюсов А. Я.* 1951а. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА 20, 7–76.
- Брюсов А. Я.* 1951б. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК 37, 69–77.
- Брюсов А. Я.* 1952. Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР.
- Брюсов А. Я.* 1953а. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // СА XVIII, 13–48.
- Брюсов А. Я.* 1953б. К вопросу о заселении севера европейской части СССР в неолитическую эпоху // КСИИМК 49, 8–12.
- Брюсов А. Я.* 1956а. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. Производительные силы и производственные отношения в эпоху неолита // СА XXV, 35–63.
- Брюсов А. Я.* 1956б. Археологические культуры и этнические общности // СА XXVI, 5–27.
- Брюсов А. Я.* 1957а. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА XXVII, 14–28.
- Брюсов А. Я.* 1957б. К вопросу о теории диффузии // СА 1, 7–12.
- Брюсов А. Я.* 1958. К вопросу об индоевропейской проблеме // СА 3, 18–26.
- Брюсов А. Я.* 1960. В. А. Городцов (К 100-летию со дня рождения) // ТГИМ 37, 7–11.
- Брюсов А. Я.* 1961а. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тысячелетия до н. э. // СА 3, 14–33.
- Брюсов А. Я.* 1961б. Караваяевская стоянка // Брюсов А. Я. (ред.). Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Вологод. кн. изд-во, 72–162.
- Брюсов А. Я.* 1963. Воспоминания о брате // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван, 293–301.
- Брюсов А. Я.* 1964а. Из воспоминаний о брате // Ставрополье 1, 4–23.
- Брюсов А. Я.* 1964б. Страницы из семейного архива Брюсовых // Ежегодник ГИМ [за 1962 г.]. М.: ГИМ, 48–59.
- Брюсов А. Я.* 1965. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. (Этногенетический очерк) // СА 2, 47–56.
- Брюсов А. Я.* 1965. Литературные воспоминания // Север 4, 28–47.
- Брюсов А. Я., Зимина М. П.* 1966. Каменные сверлёные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М.: Наука. (САИ. Вып. В4–4).
- Брюсов В. Я.* 1927. Дневники 1891–1910 гг. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых.
- Брюсов В. Я.* 1974. Огненный ангел. Повесть в XVI главах // Собрание сочинений в 7 т. Т. 4. М.: Художественная литература.
- Брюсова В. Г.* 1972. По Олонецкой земле. М.: Искусство.
- Брюсова В. Г.* 1984. Русское искусство XVII века. М.: Искусство.
- Брюсова В. Г.* 1989. Прекрасное — это Родина (Записки искусствоведа-реставратора). М.: Искусство.
- Брюсова В. Г.* 2001. Никита Федосов: жизнь и творчество. М.: Изобразительное искусство.
- Бугалин А. В. и др.* (ред.). 2002. Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность. М.: РОССПЭН.
- Булатов В. Н.* (ред.). 2001. Поморская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Лаверов Н. П. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Быковский С. Н.* 1931. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // СГАИМК 4–5, 20–22.

- Быковский С. Н.* 1932. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма // СГАИМК 3–4, 4–18.
- Васильев Л. С.* 1993. История Востока: в 2-х т. Т. I. М.: Высшая школа.
- Васильков Я. В., Сорокина М. Ю.* (подг.). 2003. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Ватлин А. Ю., Канторович А. Р.* 2001. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА 3, 123–131.
- Воронцова М. И., Перцова Н. Н.* 2011. Александр Брюсов // Айдилян С. А. и др. (сост.). Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Кн. 6. М.: Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ — Бослен.
- Воспитанники Московского университета — большевики ленинского поколения.* Биобиблиографический словарь. 1982. М.: Политиздат.
- Гаген-Торн Н. И.* 1975. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Восточная литература.
- Гаджиева Е. А., Рыжкова О. В.* 2007. Работы Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике. К 120-летию со дня рождения исследователя // Труфанов А. Я. (ред). XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 26–27.
- Герасимова М. М.* 2004. «Печальная отрада вспоминать»: Михаил Михайлович Герасимов // Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (ред.). Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 292–330.
- Городцов В. А.* 1926. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. // ТСА РАНИОН 1, 5–35.
- Горюнов Е. А.* 1984. К 75-летию со дня рождения Петра Николаевича Третьякова // СА 2, 268–273.
- Грюнберг Г. Е.* (сост.). 1967. Список печатных работ А. В. Збруевой // КСИА 112, 6–7.
- Гуляев В. И.* (ред.). 2001. Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий. М.: Институт археологии РАН.
- Гурина Н. Н.* 1951. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА 20, 77–142.
- Гурина Н. Н.* 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА 87).
- Даль В. И.* 1953. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Добкин А. И.* 2000. С. А. Соколов-Кречетов: от «Золотого руна» к «Русской правде» // Аллой В. Е., Притыкина Т. Б. (сост.). In memoriam. Исторический сборник памяти А. И. Добкина. СПб.; Париж: Atheneum — Феникс, 16–37.
- Дружинин Н. М.* 1979. Воспоминания и мысли историка. Изд. 2-е, доп. М.: Наука.
- Желиговский В. А.* 1941. Экспериментальная теория резания лезвием. М. (Труды Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства. Вып. 9).
- Збруева А. В.* 1953. Николай Афанасьевич Прокошев (1907–1942) // УЗМолотГУ IX-3, 190–191.
- Збруева А. В., Фосс М. Е.* 1928. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у реки Галдарей // Сборник [Московской секции ГАИМК] к десятилетию Октября 1, 42–53.
- Издания Государственного Исторического музея.* 1999. Библиографический указатель: 1873–1998. М.: ГИМ.
- Ирина Константиновна Цветкова (1917–2001).* 2002 // РА 3, 190–191.

- Кабо В. Р. 2008. Дорога в Австралию: воспоминания. М.: Восточная литература.
- Кашкин А. В. (ред.). 2000. Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий. М.: Институт археологии РАН.
- Квинт Гораций Флакк. 1970. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература.
- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л.: Ленинградское науч.-исслед. археолог. объединение.
- Клейн Л. С. 2011. История археологической мысли: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Климкова И. В. (сост.). 1990. Краткая опись архива А. Я. Брюсова // ТГИМ 74, 147–149.
- Кокин М., Папаян Г. 1930. Цзин-Тянь: аграрный строй древнего Китая. Л.: Ленинградский Восточный институт.
- Коровин А. Ф. 1999. Воспоминания об А. А. Берсе // Андреева Т. В., Кривоносова Н. Л. (сост., ред.). III Берсовские чтения: к 95-летию А. А. Берса и 90-летию Е. М. Берс. Екатеринбург: Банк культурной информации 4–6.
- Крахмальня Т. В., Михалевич О. А., Семёнов Ю. А. 2005. Иван Григорьевич Пидопличко (к 100-летию со дня рождения) // Вісник зоології 6, 15–29.
- Кричевский Е. Ю. 1931. Буржуазная археология в советском музее // СГАИМК 9–10, 62–71.
- Кузьминых С. В. 2006. Брюсов Александр Яковлевич // Большая Российская энциклопедия. Т. 4 (Большой Кавказ — Великий канал). М.: БРЭ. 265.
- Кузьминых С. В. 2007. Заметки к научной биографии В. В. Гольмстен: два письма А. А. Захарову // Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А. Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт», 136–141.
- Кузьминых С. В., Сафонов И. Е., Сташенков Д. А. 2007. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара: ООО «Офорт».
- Линевский А. М. 1967. Двадцатые годы. Воспоминания // Север 6, 96–102.
- Максимов А. Н. 1997. Избранные труды. М.: Вост. л-ра.
- Максимов А. Н. 2001. Избранные труды. М.: Вост. л-ра.
- Максимов Е. К. 1989. Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Миронов В. Г. (ред.). Археология восточно-европейской лесостепи. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 3–11.
- Малов Н. М. 2010. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков (к 125-летию со дня рождения) // Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (ред.). Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 721–733.
- Массон В. М., Праслов Н. Д., Тимофеев В. И. 1991. Памяти Нины Николаевны Гуриной (1909–1990) // КСИА 203, 114–116.
- Мезенцева Г. Г. 1997. Дослідники археології України. Енциклопедичний словник-довідник. Чернігов: Сіверська думка.
- Мерперт Н. Я. 2011. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М.: Таус.
- Мещанинов И. И. 1931. Теория миграций и археология // СГАИМК 9–10, 33–39.
- Милонов Ю. К. 1979. Техника в ее историческом развитии. М.: Наука.
- Милонов Ю. К. 1981. Каждый выбирает дорогу сам. М.: Детская литература.
- Монгайт А. Л. 1958. Гордон Чайлд (1892–1957) // СА 3, 284–287.
- Нерар Кс. 2011. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР. Пер. с франц. М.: РОССПЭН.

- Оконникова Т. И.* 2006. Страницы научной биографии Н. А. Прокошева (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Морозов В. М. (ред.). Пятое Берсовское чтение: к 100-летию Е. М. Берс. Екатеринбург: Квадрат, 44–47.
- Орешников А. В.* 2010. Дневник. Кн. 1: 1915–1924 / Сост. Гайдуков П. Г., Зубова Н. Л., Катагощина М. В., Стрижова Н. Б., Юшко А. Г. Отв. ред. Гайдуков П. Г. М.: Наука.
- Орешников А. В.* 2011. Дневник. Кн. 2: 1925–1933 / Сост. Гайдуков П. Г., Зубова Н. Л., Катагощина М. В., Стрижова Н. Б., Юшко А. Г. Отв. ред. Гайдуков П. Г. М.: Наука.
- Ошибкина С. В.* 1990. Научные концепции А. Я. Брюсова и современная археология // ТГИМ 74, 5–9.
- Ошибкина С.* 2010. А. Я. Брюсов — исследователь древностей Севера // Достояние поколений 1 (8), 74–77.
- Петр Николаевич Третьяков (1909–1976).* 1983 // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. история. Вып. 15 / Вступ. статья Е. А. Горюнова, библиография И. Г. Бебих и Л. М. Всевиова. М.: Наука.
- Платонова Н. И.* 1998. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ 5, 371–382.
- Платонова Н. И.* 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.
- Повесть временных лет. 2007. СПб.: Наука.
- Полиевтков М. А.* 1935. Из истории русского академического кавказоведения XVIII в. // Известия АН СССР. Серия 7. Отд. обществ. наук 8, 158–169.
- Равдоникас В. И.* 1931. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // СГАИМК 9–10, 5–32.
- Равдоникас В. И.* 1932. На новый этап // СГАИМК 1–2, 49–60.
- Раушенбах В. М.* 1965. К 80-летию Александра Яковлевича Брюсова // СА 3, 81–87.
- Раушенбах В. М.* 1967. Памяти А. Я. Брюсова [1885–1966] // СА 2, 117–119.
- Раушенбах В. М.* 1985. К 100-летию со дня рождения А. Я. Брюсова // СА 4, 271–274.
- Рожков Н. А.* 2010. Избранные труды. М.: Изд-во МГУ.
- Розенталь Е. И. и др.* (коммент.). 2000 // Закс А. Б. Эта долгая, долгая, долгая жизнь. Воспоминания (1905–1963). В 2 кн. Кн. 2. М.: ГИМ.
- Савватеев Ю. А.* 1977. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 2. Стоянки. Л.: Наука.
- Савватеев Ю.* 2010. В поисках достоверности: об А. М. Линевском // Север 7–8, 6–13.
- Сетон-Томсон Э.* 1988. Маленькие дикари, или Повесть о том, как два мальчика вели в лесу жизнь индейцев и чему они научились. М.: Детская литература.
- Сизинцева Л. И.* 1996. Николай Виноградов: парадоксы судьбы // Преображенский А. С. (ред.). Русское подвижничество. М.: Северный паломник, 123–141.
- Сирина А. А., Роон Т. П.* 2004. Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Тишков В. А., Тумаркин Д. Д. (ред.). Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 49–94.
- Смирнов А. П.* 1953. Дмитрий Николаевич Эдинг (1887–1946) // УЗМолотГУ IX-3, 193–195.
- Сосименко И. П.* 2005. Малицкий Георгий Леонидович // Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 345.
- Спрингис Е. Э.* 2003. Брюсова В. Г. // Православная энциклопедия. Т. VI. М.: РПЦ «Православная энциклопедия», 284–285.
- Тихонов Б. Г., Бадер О. Н.* 1967. Анна Васильевна Збруева // КСИА 112, 3–5.
- Токарев С. А.* 1947. А. Н. Максимов (Некролог) // СЭ VI–VII, 330–335.

- Тункина И. В. (сост.). 2008. Биографический словарь-указатель // Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М.: Индрик, 477–831.
- Формозов А. А. 1970. О. А. Кривцова-Гракова [1895–1970] // СА 4, 322–323.
- Формозов А. А. 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: Наука.
- Формозов А. А. 1995. С. В. Киселёв — советский археолог 1930–1950-х гг. // РА 4, 151–162.
- Формозов А. А. 1999. М. Е. Фосс и проблема неолитических культур // РА 3, 181–189.
- Формозов А. А. 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак.
- Формозов А. А. 2008. Статьи разных лет. Курск: Курск. мед. ун-т.
- Формозов А. А. 2011. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). М.: Гриф и К.
- Ходасевич В. Ф. 1989. Стихотворения. Л.: Советский писатель.
- Ходасевич В. Ф. 1991. Колеблемый треножник. Избранное. М.: Советский писатель.
- Ходасевич В. Ф. 2001. Памяти Сергея Кречетова // Ходасевич В. Ф. Некрополь. Воспоминания. М.: Вагриус, 216–223.
- Цветкова И. К. 1961. Неолитические поселения в районе Белого озера // А. Я. Брюсов (ред.). Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Вологод. кн. изд-во, 47–71.
- Шастокольский И. П., Савватеев Ю. А., Столяр А. Д. 1987. Памяти Александра Михайловича Линевского // СА 1, 300–301.
- Шлейкин Ю. В. 2007. Анкудинов Гавриил Алексеевич // Титов А. Ф. (ред.). Карелия: Энциклопедия. Т. 1. Петрозаводск: ИД «Петропресс», 127–128.
- Шмидт А. В. 1932а. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры // СГАИМК 1-2, 12–17.
- Шмидт А. В. 1932б. О работах русских археологов по финнам // СГАИМК 3–4, 35–43.
- Ю. К. Милонов (к 80-летию со дня рождения). 1975 // Вопросы истории естествознания и техники 3, 202–218.
- Якушкина М. М. 2010. Личный архив М. Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Каменецкий И. С., Соркин А. Н. (ред.). Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 770–780.
- Alexander. 1907. По бездорожью. Стихи. М.: Типолитография Русского товарищества печатного и издательского дела.
- Brussov A. 1957. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin: Akademie-Verlag.
- Brussov A. 1962. Le problème indo-européen et la civilization des hâches de combat. М.: ИА АН СССР. (6-е Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports et les informations des archéologues de l'URSS.)
- Filip Jan. 1969. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Т. 2. Prag: Akademia-Verlag der tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.
- Harris D. R. (Ed.) 1994. The archaeology of V. Gordon Childe: Contemporary perspectives. London: University College of London.